

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

YOU'RE HOT

Спорим,

ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ

об этом

18+

МУЛЛЕР РОУДС // ΔΕΪΖΟΥ Κ. ΧΑΡΤΒΕΛΛ

Миллер Роудс

Спорим, ты пожалеешь об этом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72844347

SelfPub; 2025

Аннотация

Я – бывшая олимпийская чемпионка по сноуборду. После серьезной травмы мне пришлось оставить профессиональный спорт, бывшего парня (который, между прочим, спал с другими, пока я заново училась ходить), и я дважды успела познакомиться с горячим парнем по имени Ноа.

Первый раз – в порыве гнева я разбила его безумно дорогие лыжи (и мы, как ни странно, мило пофлиртовали). Второй – уже в кабинете его дедушки, когда меня взяли на работу в их чертовски дорогой горнолыжный курорт.

По документам – мы с ним равны, но Ноа вообразил себя моим боссом, и между нами развязалась самая настоящая война из пакостей и проделок. Кто первый сдастся – покинет должность с позором, победитель – получит должность и весь курорт.

Вот только что нам делать, если обстоятельства, наши собственные проделки и даже его дедушка упорно сводят нас вместе – прямо под самый романтичный праздник в году?

Серия книг (разные герои) – Каникулы в Аспене:

1. Спорим, ты пожалеешь об этом
2. Спорим, ты влюбишься в меня

Содержание

1	4
2	14
3	21
4	32
5	41
6	50
7	58
8	72
9	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Миллер Роудс

Спорим, ты пожалеешь об этом

1

Я делаю глоток обжигающего кофе и морщу нос от крепости этого напитка. На секунду мне кажется, что язык сгорит к чертям, а желудок объявит забастовку. Как так получилось, что один из самых дорогих и популярных курортов во всей стране не в курсе о существовании таких чудес, как раф или матча? Тут тебе подадут три вида черного кофе, но ничего вкуснее него. И все же я делаю еще один глоток – чисто из самоуничтожения и желания хоть немного взбодриться.

Холл главного здания выглядит так, будто его придумали архитекторы, которые пересмотрели огромное количество рождественских фильмов. Огромные окна до пола открывают вид на горы, укутанные в туман. Воздух пахнет свежесрубленной елью и дорогими духами, а мягкие кресла цвета сливок буквально приглашают утонуть в них с бокалом вина. Повсюду мерцают огоньки гирлянд, играя на стеклянных поверхностях, а в центре зала трещит камин – как будто обещает, что все будет хорошо. Уют и роскошь здесь уживаются

как старые друзья, и даже холодный конец сентября за дверью кажется не таким уж страшным.

Наверное, тут можно было бы весело провести время на каникулах, хотя – будь моя воля, я бы осталась здесь жить до конца своей жизни.

Несколько сотрудников снуют туда-сюда, словно муравьи, заканчивая последние приготовления к открытию сезона. Один из них таскает коробки с брошюрами, другой расставляет на стойке блестящие визитки, а третий проверяет, как горит подсветка под новыми баннерами. Рядом со мной милая девушка с аккуратно собранными волосами слегка улыбается и раскладывает на столике несколько свежих спортивных журналов. Ее улыбка – как тихое «держитесь», адресованное всем, кто еще не проснулся.

– Могу я предложить вам что-нибудь еще? – вежливо тянет она, бросая взгляд на мою полупустую кружку.

– Я бы не отказалась от апельсинового сока, – признаюсь я, – мне нужно чем-то запить эту горечь.

– Понимаю вас, – хмыкает она, – я обожаю работать здесь, но каждый раз жалею, что поблизости нет ни одного «Старбакса».

– Вы разбиваете мне сердце, – улыбаюсь я, передавая ей кружку.

Она уходит к бару легкой походкой, будто скользит по гладкому льду. Я провожаю ее взглядом и снова опускаюсь в кресло, где собираюсь переждать оставшиеся двадцать ми-

нут до встречи с главой курорта. Последний этап собеседования – и, возможно, новая глава моей жизни. Кто бы мог подумать, что я вообще окажусь здесь? Высшее образование, которое я получала скорее «на всякий случай», наконец-то пригодилось, хотя оно даже не было моим планом Б. Да и вообще – у меня никогда не было плана Б. Я знала, чем хочу заниматься, и, черт возьми, я была в этом хороша – сноуборд был моим всем.

Что-то похожее на скуку и нетерпение одновременно начинают меня раздражать. Я барабаню пальцами по подлокотнику, бегаю взглядом по холлу, выискивая хоть что-то, что отвлечет. Но все, что попадаетея на глаза – это аккуратная стопка журналов на столике. Мода, спорт, зимние путешествия, хоккей... все выглядит одинаково и безлико, пока одна обложка вдруг не притягивает мой взгляд.

На ней – до боли знакомое лицо. Молодой мужчина с острыми скулами, легкой щетиной и теми самыми серо-голубыми глазами, которые когда-то могли свести меня с ума одним своим взглядом. Его губы тронуты небрежной, почти снисходительной улыбкой, а руки небрежно спрятана в карманы джинс. Он позирует на фоне однотонной серой стены – и выглядит чертовски уверенным в себе. Все внутри меня болезненно сжимается, будто сердце пытается свернуться в комок. Щеки вспыхивают, а в груди нарастает что-то вязкое и горячее.

«Ошибка Роми Риддок стоила ей карьеры и отмены

нашей помолвки» – гласит триггерный заголовок. И, черт побери, он справляется с задачей идеально – цепляет за живое, вытаскивая из памяти самые болезненные воспоминания. Новый прилив злости накатывает, как лавина – он прожигает изнутри, заставляя пальцы дрожать. Я хватаю журнал, листаю его в поисках интервью, будто от этого зависит моя жизнь.

«...Роми всегда шла к этому – говорит Найл – Олимпийские игры, чемпионаты мира – она побеждала везде. Но на Кубке мира... все пошло не так. Она упала, травмировала колено, и это поставило крест на ее карьере. Думаю, ее травма была не только физической – страх, неуверенность, злость... Я не знаю, чего в ней стало больше, но это изменило все. Она отдалялась, раздражалась, отталкивала. Я пытался сохранить наши отношения, ведь мы собирались пожениться, но... мне пришлось закончить это. Иногда любви – недостаточно, чтобы спасти человека от самого себя».

Я чувствую, как все внутри превращается в пепел. словно каждая строчка – пощечина. Злость, густая и ядовитая, расползается по венам, и тело будто не справляется с ее весом. Сердце бьется слишком быстро, ладони сжимаются до боли. Меня трясет от мысли, что он действительно преподнес это так – будто я была сломленной, будто он – жертва, а я та, кто

разрушила все.

Потому что все это ложь! Ну ладно, не все — я действительно получила травму и злилась, но помолвка... Это придурак изменил мне с тремя разными женщинами пока я проходила восстановление в реабилитационном центре! Я рыдала от боли и загубленной карьеры к которой шла всю свою жизнь из-за ошибки другого человека, пока он трахал других!

Злость наполняет меня так быстро и так густо, что я не знаю, куда мне деть свои руки. От нее накатывает тошнота, которая будто сжимает мне диафрагму руками. Я хватаюсь за край кресла, но понимаю, что не выдержу — мне нужно вырваться на улицу и отдышаться. Внутри все кипит и колет, будто кто-то подмешивает кислоту, и я подрываюсь с диванчика.

На улице снег хрустит под моими утгами, как будто каждый шаг уведомляет о моей злости весь курорт. Прохладный воздух режет по лицу и пробирается под плотный спортивный комбинезон, заставляя слезы стекать по щекам от холода, а не от боли. Дыхание режет грудь, и я делаю глубокие, беспорядочные вдохи, но они не помогают. Я топаю через двор, и мир вокруг кажется слишком чистым и несправедливым против моей внутренней бури.

Я не могу нормально вдохнуть от количества злости внутри меня. Глаза мечутся в поисках какого-то выхода, какого-то осязаемого объекта, на который можно вылить весь

этот яд. Но все, что попадает на глаза – брошенные лыжи у стены, слегка засыпанные снегом – они выглядят так, будто их бросили здесь уже давно. Мне кажется, эти лыжи – идеальная жертва.

Я хватаю одну из них, не думая ни о чем, кроме злости. Удар первый – по каменной дорожке, и металл со стуком отклоняется от плит. Вторая волна – по ступеням, где краска осыпается мелкими щепками. Я бью лыжу о стену, и звук отдается в груди, как будто я бью не по дереву, а по своим воспоминаниям. С третьим ударом лыжа трескается, и в моих руках появляются первые щепки.

– Вот тебе за Олимпиаду в двадцать втором году, – вырывается из меня с новым ударом. Я хватаю оставшиеся палки и продолжаю превращать их в щепки. – Вот тебе за чемпионат мира в двадцать третьем, – рвется еще один крик, и я чувствую, как злость превращает удары в ритуал отмщения.

Палки легко ломаются под моими руками, и я гну их о свое больное колено, будто проверяю, насколько прочна моя ненависть. С каждым новым ударом ненависть становится четче и ярче. Мне не хочется плакать – мне хочется, чтобы эти вещи тоже чувствовали, каково это – быть преданными.

– Дай угадаю, – слышу позади себя, но не останавливаюсь. – сноубордистка, верно?

Я хмыкаю от упоминания вечного противостояния лыжников и сноубордистов, доламываю остатки палок, и только тогда оборачиваюсь. На выходе стоит он – чертов красавчик

с бровями, которые выглядят так, будто выбриты идеальным художником, и улыбкой, заставляющей трусики девушек намокать. Волосы у него чуть в беспорядке, как будто он только что соскользнул с обложки журнала. Глаза темные и всегда немного усталые, но в них есть тихая опасность — будто он мог бы посмеяться над любой моей драмой и сделать это очаровательно, а не грубо. Он одет просто: теплый шерстяной свитер, куртка нараспашку и джинсы, которые сидят так, будто это его естественная кожа.

— Бывшая, — говорю я, наступая на остатки палки, чтобы доломать ее. — И я не в настроении для допросов.

— Тогда почему я чувствую, что сейчас приму участие в твоей терапии? — отвечает он.

— Потому что ты стоишь слишком близко?

— Ты действительно выглядишь так, будто тебя лучше не перебивать.

— Верно подмечено.

— И все же я рискну. Эти палки тебе что-то сделали?

— Были не в том месте, не в то время. Как и мой придурок бывший.

— Тогда ему повезло, что это не его лицо.

— Почему?

— Ты слишком хорошо справляешься, — хмыкает он, — Напомни мне никогда не становится твоим бывшим.

— Ты странно спокоен для свидетеля преступления.

— Может, я соучастник.

– Добровольный?

– Сто процентов. Особенно, если ты продолжишь так погибаться.

Я не могу удержаться и прыскаю от смеха, хотя он получается горьким и почти жалким. Незнакомец поднимает локоть, опираясь на перила, и выглядит так, будто это все – его самый обычный уикенд.

– Давай. Добей комплект. – убеждает он меня, протягивая вторую лыжу.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

Мне не нужно предлагать дважды. Я хватаю вторую лыжу и снова бью ее о каменную кладку, как будто у меня есть с ней личный счет. Удары ритмичны и жестоки – щепки летят и исчезают в снежном воздухе. С каждым ударом внутри что-то немного успокаивается, а злость превращается в действие. Люди вокруг отступают, но мне плевать на их взгляды: сейчас я делаю то, что должна сделать.

– Это будут лучшие четыре тысячи долларов, потраченные на то, чтобы увидеть, как кто-то выглядит сексуально в гневе, – говорит он и ухмыляется.

Я медленно оборачиваюсь на него, и сердце непонятно почему подскакивает.

– Это твои лыжи?! – спрашиваю я, держась за обломки.

– Считай это моим вложением в шоу, – лениво отмахивается он.

– Ты ненормальный.

– Люблю дорогие удовольствия.

Я добиваю остатки лыж и выпускаю всю свою злость на последний удар. Когда последняя щепка разлетается, я тяжело, но с облегчением выдыхаю и только сейчас начинаю приходить в себя. Легкая дрожь пробегает по пальцам и в груди остается странное пустое место. Я смотрю на крошки дерева у своих угг и понимаю, что слегка перегнула палку – в буквальном смысле.

– Оо, мой Бог, – обращаюсь я к нему, осознавая всю серьезность ситуации. – Мне так жаль, правда, я...

– Расслабься, – мотает головой он. – Их все равно следовало... обновить.

– Я заплачу за них, – говорю я, чувствуя, как неловкость и остатки ярости борются во мне. – Просто скажи номер своего счета или я могу выписать тебе чек и...

– Считай это подарком, ладно? – перебивает он меня и отступает от перил, делая шаг ближе.

– Подарком? На что?

– На Рождество? Уверен, ты была хорошей девочкой и Санта определенно запишет тебя в свой список «самых послушных». – Он вглядывается в мое лицо и задерживается на моих губах чуть дольше, чем было бы прилично, – ну или «самых горячих» – выбирай, что больше нравится.

Уверенные в себе мужчины всегда были моей слабостью, и это мгновение действует на меня, как теплая подушка по-

сле ледяного душа. Я чуть смущенно улыбаюсь, пытаюсь выглядеть не слишком доступной, но и не слишком холодной. Внутри борются сразу три эмоции: раздражение, облегчение и какой-то детский восторг от случившегося. Я чувствую, как щеки чуть нагреваются, и не могу не заметить, что он видит это. Немного смущенная, я отвожу взгляд, но улыбка не уходит.

– Надеюсь, – выдыхает он, явно довольный моей реакцией, – еще увидимся.

Я могу лишь кивнуть, потому что слова вдруг кажутся мизерными. Он обходит меня и спускается вниз по склону, к домикам, двигаясь легко и уверенно, будто делает это в миллионный раз. Я тяжело выдыхаю и присаживаюсь на корточки – поднимаю крошки и щепки вокруг себя, чтобы хоть как-то скрыть следы своей ярости, и чувствую, как сердце все еще стучит быстрее нормы. Только теперь я не уверена – это все отголоски моего прошлого или настоящее, которое точно планирует быть интересным.

2

– Знаете, – уверенно тянет Норингтон, – я передумал.

Пожилой мужчина выглядит как актер из старых приключенческих фильмов: слегка потрепанное, но доброжелательное лицо, глаза, в которых живет мягкая усталость, и улыбка, от которой хочется расслабиться, даже если тебе только что огласили приговор. В нем есть что-то коренастое и надежное, как у людей, которые всю жизнь решали проблемы руками, а не словами. Я начинаю волноваться: видимо ему уже донесли, что я вдребезги разнесла лыжи одного из его постояльцев, и эта мысль давит на плечи, словно тяжкий груз.

– Мне очень жаль, мистер Норингтон, – начинаю уже извиняться я, – я правда очень...

– Я собирался прослушать этим утром еще двух кандидатов, – все еще дружелюбно настаивает он, будто не слыша моих слов, – но передумал. Не хочу тратить свое время, когда вы – нам идеально подходите, милая.

– Правда?! – почти хмурюсь я.

– Конечно. – он пожимает плечами и разваливается на спинке кресла. – Вы профессиональная спортсменка.

– В прошлом.

– Но не в душе. – напоминает он мне. – Ваша подготовка поможет контролировать все: от инструкторов до организации мероприятий, а мы... – он делает длинную паузу и вы-

дыхает чуть печально, – очень нуждаемся в вашей душе.

Это звучит почти абсурдно, потому что в профессиональном спорте никто особо не интересовался моей «душой». Там ценили результаты, тайм-стемп, медальки и графики – люди платили за результат, а не за сентиментальные речи. Я просто делала свое дело, кайфовала от скорости и дисциплины, и мне казалось, что этого достаточно. Теперь же кто-то хвалит меня за то, что я «с душой», и я краснею от неловкости, потому что это звучит почти как комплимент из другой жизни. – Последнее время молодежь выбирает более современные курорты, – продолжает Норингтон, – в то время как семьи не до конца довольны нашими инструкторами для детей. Мы уже обновляли персонал, проводили тренинги, но... все тщетно. Именно поэтому нам нужен новый бренд-менеджер, а ваши идеи мне безумно понравились.

Я чувствую прилив гордости, который странно теплый и немного смущающий одновременно. Никто из тех, с кем я работала в спорте, не хвалил меня за креатив – хвалили за подиумные результаты и за способность держать темп. А тут мне аплодируют не за медали, а за мозги, и я невольно улыбаюсь. Слегка отвожу взгляд и пытаюсь не показывать, что мне приятно, когда оценивают не только мое прошлое, но и то, что я могу предложить сейчас.

– Извини, дедушка, я опоздал, – перебивает знакомый мужской голос сзади, и я оборачиваюсь.

В кабинет влетает он – уже, очевидно, без лыж, выглядя-

щий так, словно минуту назад принял душ и решил, что мир готов к его появлению. Дорогая рубашка сидит идеально, рукава закатаны до локтей, верхние пуговицы расстегнуты – и это не неряшливость, а намеренная небрежность. Воло-сы еще влажные и кое-как прилипают ко лбу, а темно-серые брюки облегают так, что от них невозможно отвести взгляд. Он двигается легко и немного дерзко, и даже дверь, похо-же, не успевает за ним, громко стуча. Я понимаю, что он – полный контраст с вежливым мистером Норингтоном, и это буквально меняет все вокруг.

– Дедушка? – хмурюсь я, потому что ситуация начинает напоминать мне плохую шутку.

– Разъяренная красотка? – удивляется он.

О, Боже, этого мне совсем не хватало. Я уже мысленно прощаюсь с работой, потому что как можно убедить взрос-лого, серьезного бизнесмена в своей адекватности, когда за пять минут до повторного собеседования ты устроила пуб-личный перформанс по уничтожению инвентаря его внука?

Но у горячего незнакомца лицо показывает не только удивление – в нем читается серьезность и какая-то скрытая угрюмость. Казалось бы, после инцидента с лыжами он не планировал меня больше видеть, а теперь стоит рядом, будто ничего не случилось.

– Вы знакомы? – интересуется его дедушка, поправляя оч-ки на переносице.

– Мы... ай! – начинает он.

– Нет, – перебиваю его, и, не раздумывая, наступаю утками ему на ногу, чтобы он заткнулся и не испортил все окончательно. – Просто по вам не скажешь, что вы уже дедушка.

Норингтон-старший хмыкает, принимая мой странный комплимент, как своеобразную медаль, а его внук бросает в меня почти убийственный взгляд и разваливается на кожаном диване рядом со мной. Взгляд лыжного мужчины как ледяной ветер: он не только раздражен, он готов к эпической конфронтации.

– Хорошо, что ты здесь, Ноа, – одобрительно кивает Норингтон-старший, – хочу тебя представить. Ноа – это Роми Риддок, наш новый бренд-менеджер.

– Наш новый кто? – тут же почти протестует тот. – И зачем нам это? Мы прекрасно справляемся без посторонней помощи.

– Прекрасно справляемся? – грустно хмыкает его дедушка. – Ты это о потере прибыли в полтора раза в этом году или о падении наших акций на три процента?

Я слышу разговор, который явно не для моих посторонних ушей, и мне становится не по себе. В ушах начинает гудеть, как будто кто-то включил микрофон слишком громко. Я ловлю себя на том, что инстинктивно складываю руки на груди, будто это поможет мне спрятаться.

– Она нам не поможет! – отрезает Ноа.

– Извини?!

– Какую репутацию может создать нам человек, который

не может контролировать свою ярость? – парирует тот. – А если в следующий раз это будет чье-то лицо, а не лыжи?

– Прекрасную репутацию, вообще-то, – хмурюсь я, складывая руки на груди, – если человек осознанно выбирает какой-то предмет, а не чье-то лицо, это многое говорит о его сдержанности и контроле гнева.

– Это так оправдывают агрессию в психбольницах?

– Ты мне скажи, – пожимаю я плечами, – не я ведь получаю удовольствие, наблюдая, как кто-то ломает вещи. Это, между прочим, тревожный звоночек – почти клинический фетиш на насилие.

– Давайте вернемся к делу, – стараясь скрыть улыбку, Норингтон глазами бежит с меня на Ноа, – Роми теперь наш сотрудник и имеет полный зеленый свет на свою работу...

– Но ее работа – это моя работа! – строже напоминает Ноа.

– Видимо кто-то с ней плохо справляется, – сквозь зубы говорю я, чтобы только он мог услышать меня, но от этого в меня прилетает недовольный взгляд.

– Все верно, – спокойно кивает Норингтон старший, будто услышав мою реплику, – я хочу, чтобы вы работали...

– Ни за что! – хором перебиваем мы его с Ноа.

– ...друг против друга, – все-таки договаривает мужчина, поднимаясь со своего места и подходя к окну.

Кабинет мистера Норингтона выглядит так, будто его спроектировали для тех, кто любит порядок и не против роскоши. Тяжелый письменный стол, отполированный до зер-

кального блеска, кожаные кресла и пара аккуратных книжных полок создают ауру солидности. На стене висит большая карта лыжных трасс, а рядом – пара картин с горными пейзажами в простых рамах. Через панорамные окна открывается вид на заснеженные склоны и ряды домиков – потихоньку просыпающийся курорт кажется миниатюрой под стеклом.

– За годы работы, пока я создавал это место, я уяснил одну очень важную вещь, – говорит мужчина, смотря в окно, – без соревнований – нет результатов.

– Но я руководитель Сильвер-Пика, и...

– Технически, – перебивает его бабушка, все еще не обращившись, – но мне нужны результаты, Ноа. Ты прекрасный руководитель, предприниматель и... внук. Но я не могу потерять это место, потому что ты его не чувствуешь.

Напряженная тишина повисает в комнате, как купол. Я мельком бросаю взгляд на Ноа и вижу, что он едва сдерживается. Его челюсть сжата, губы тянутся одной полоской, и плечи стремятся вверх как у человека, который вот-вот взорвется. Руки у него в кулаках, а все тело напряжено, будто он готов броситься и что-то разбить – лыжи, например. Его взгляд пронзает меня, и от этого в груди появляется неприятное, предчувственное жжение.

– Поэтому, – наконец оборачивается мужчина, – с завтрашнего дня и до конца этого года у вас двоих... соревнование за полный контроль над этим местом. Мне нужны результаты, милые, и я надеюсь их получить как минимум от

одного из вас.

Старший Норингтон случайно встречается со мной взглядом, и там мелькает что-то вроде тихой ставки. Это явно не нравится Ноа. Он дергается, словно уколотый – его лицо белеет, и он выпрыгивает из кресла так, будто обжегся. Внук Норингтона мчится к двери и хлопает ею с такой силой, будто объявляет мне личную войну. Я остаюсь сидеть, и в животе у меня смешанные ощущения: отрывок адреналина, прилив злости и странная, глупая радость от предстоящего хаоса.

Утро в Аспене начинается с легкого инея на ветвях сосен и розоватого сияния рассвета, медленно разливающегося по склонам. Воздух прохладный и чистый, такой, от которого легкие словно улыбаются. Я шагаю по каменной тропинке от своего домика к главному зданию курорта, где сегодня состоится приветственная встреча всей команды. Настроение у меня отличное – смесь легкого волнения и предвкушения. Завтра открывается новый сезон, и мне предстоит провести здесь три с половиной месяца, работая с новой командой, новыми идеями и, надеюсь, без катастроф.

Постояльцев пока немного, и это чувствуется в спокойствии вокруг. По крайней мере, если судить по парковке у главного корпуса, здесь всего пара машин – обе настолько дорогие, что каждая могла бы покрыть ипотеку на мой прошлый дом. Но даже при этом – курорт не выглядит пустым: у дверей уже хлопочет персонал, а вдалеке, за зданием, я замечаю, как небольшой шаттл с логотипом курорта отправляется к аэропорту за первыми гостями. Все пропитано ожиданием – в воздухе витает та особенная тишина перед бурей, которая предшествует сезону, полному снега, гостей и бесконечных дел.

Я мельком оглядываюсь в отражении окна одного из домиков, чтобы проверить, все ли со мной в порядке. Волосы

лежат аккуратными ровными локонами, чуть подпрыгивая от утреннего ветра. Мне говорили, что классический дресс-код здесь не обязателен, но я все равно выбрала то, что выглядит стильно: черная водолазка, облегающая там, где нужно, клечатая коричневая мини-юбка – не слишком короткая, но достаточная, чтобы показать ноги в тонких черных колготках. Дорогие сапоги до колена, на которые я потратила семьсот долларов, конечно, не лучший выбор для горного курорта, но я не собираюсь скрывать свою женственность после десятилетия в спортивных костюмах. Поверх – длинное черное пальто и меховая шапка-кубанка цвета топленого молока. В прошлой жизни я редко могла себе позволить выглядеть дорого, но сейчас собираюсь взять от этой новой главы максимум.

– Ой! – вскрикиваю я, когда под подошвой предательски скользит тонкий слой льда.

Все происходит слишком быстро: мир наклоняется, я теряю равновесие и готовлюсь уже удариться об землю, но...

– Поймал.

Чьи-то руки крепко подхватывают меня, не давая упасть. Я замираю, чувствуя, как мое сердце подпрыгивает и все вокруг вдруг пахнет свежим кофе и морозом. Медленно поднимаю глаза и встречаю взгляд мужчины – теплый, внимательный, чуть растерянный. Он симпатичный: взъерошенные каштановые волосы, выразительные темные глаза, сильная линия челюсти. От него идет то спокойствие, которое

говорит: «Я привык спасать людей».

– Ты в порядке? – хмурится он, взглядом быстро скользя по моему лицу, будто проверяя, не ушиблась ли я.

– Эм... кхм, да, я... – запинаясь, осознавая, что все еще нахожусь в его объятиях. Он помогает мне выпрямиться и отпускает, делая шаг назад. – Все нормально, спасибо. Кажется, каблуки не такая уж и хорошая идея для подобного места.

Он осматривает меня с ног до головы, уголки его губ дрожат.

– А мне нравится, – произносит он и протягивает руку. – Дин Дарзал.

– Роми Риддок, – улыбаюсь я, пожимая его ладонь.

– Я не помню, чтобы видел тебя здесь раньше.

– Я новенькая, – признаюсь я, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя легкое смущение. – Меня наняли только вчера.

– Значит, ты здесь надолго? – спрашивает он, и в его голосе появляется мягкая заинтересованность, от которой почему-то теплеет в груди.

– Похоже на то, – киваю я. – Я новый бренд-менеджер.

– Вау, – одобрительно произносит он. – Отлично. Этому месту давно нужен свежий взгляд. Я здесь шеф-повар, так что, надеюсь, ты заглянешь к нам на кухню.

– С удовольствием, – отвечаю я с улыбкой. – Я всегда рядом, когда где-то пахнет вкусной едой.

– Может, тогда мы могли бы...

Он не успевает договорить. Из-за угла здания с ревом вылетает снегоход, гусеницы резко тормозят, и нас накрывает облако снежной пыли. Я взвизгиваю, зажмуриваясь, и чувствую, как холодные хлопья забиваются мне за воротник.

– Я чему-то помешал? – звучит знакомый насмешливый голос.

И даже не оборачиваясь, я знаю – это Ноа.

Потому что только этот человек способен испортить даже самый милый момент, да еще и с таким самодовольством.

– Выглядишь не очень-то презентабельно для первого дня, красотка, – хмыкает он, слезая со своего снегохода и направляясь к нам.

Его голос звучит лениво, но с тем самым оттенком насмешки, который хочется стереть варежкой прямо с его самодовольного лица.

Я скидываю с пальто и волос снег, стряхиваю его с плеч, но от этого становится только хуже – хлопья тают, оставляя темные мокрые следы на ткани. Через плечо Дина вижу свое отражение в стекле: тушь размазалась под глазами, волосы превратились из аккуратных локонов в жалкие, прилипшие к щекам сосульки, на губах – следы снега и ветра. Моя идеальная картинка – уверенной новой меня – тает прямо на глазах, и где-то внутри все начинает закипать. Я чувствую, как по спине пробегает раздражение – горячее, острое, как вспышка адреналина.

– Ты специально это сделал! – хмурюсь я, тыкая пальцем

ему в грудь.

Снег на моих варежках осыпается на его куртку, но Ноа даже не делает шага назад. Стоит, как скала, и только уголки губ чуть дергаются.

– Чистая случайность, клянусь, – наигранно тянет он, но глаза тут же холодеют, когда он оборачивается к моему спутнику. – Дин? – в его голосе сквозит легкий прищур, от которого даже я чувствую напряжение. – Разве ты уже не должен быть внутри? Опаздывать в первый день – плохая привычка, согласен?

Дарзал неловко переступает с ноги на ногу, явно не зная, как правильное поступить. Его взгляд мечется между нами, как будто он попал в центр снежной бури без шанса укрыться. Я едва заметно киваю, мол, иди. Он вздыхает, быстро бросает мне виноватую улыбку и уходит в сторону главного здания, оставляя меня один на один с источником моих проблем и испорченного макияжа.

– Соблазняешь моих сотрудников, Риддок? – хмуро произносит Ноа, скрестив руки на груди.

– Не знала, что тебя волнует моя личная жизнь, – отвечаю я, поджимая губы.

– Я твой босс и...

– Нет, – перебиваю я, шагнув ближе, чувствуя, как под ногами хрустит снег. – Твой дедушка ясно дал нам понять, что мы на равных. Так что оставь этот тон, Ноа. И, пожалуйста, не начинай войну, которую не сможешь выиграть.

– Войну? – фыркает он, закатывая глаза. – Это не война, красotka. Это твоя капитуляция. Ты и месяца здесь не выдержишься. Особенно – в таком виде.

Он задерживает взгляд на моих ногах, скользит вверх, но сейчас это не звучит как флирт. Это оценка, холодная, вызывающая, и от нее в груди поднимается новая волна ярости. Сердце бьется в висках, ладони сжимаются в кулаки – я готова взорваться.

– Тебе лучше прекратить эти детские игры, Ноа, – произношу тихо, но в голосе чувствуется сталь. – Поверь, ты не хочешь, чтобы я дала тебе сдачи.

– И что ты сделаешь? – с прищуром наклоняется он ближе, и я чувствую его дыхание, холодное и мятное. – Снова разобьешь мои лыжи? Или наступишь мне на ногу?

Я моргаю медленно, слишком медленно, чтобы не сорваться. Потом отступаю, делаю вдох, обхожу его, нарочно толкнув плечом, и направляюсь к двери главного здания. Мне нужно отдышаться. И придумать, как заставить этого заносчивого придурка пожалеть о каждой своей реплике.

Внутри холла тепло, пахнет кофе и пластиковыми гирляндами. Но стоит мне бросить взгляд на стеклянное отражение у ресепшена, как злость возвращается с удвоенной силой. Волосы мокрые, на висках сбились пряди, тушь растеклась еще больше, водолазка прилипла к телу – и, черт побери, через нее теперь слишком явно просвечиваются соски. Прекрасно. Просто восхитительно.

Я пытаюсь хоть как-то спасти ситуацию: приглаживаю волосы, вытираю щеки, застегиваю пальто до горла. Безрезультатно. Все, чего мне сейчас хочется – это исчезнуть, но вместо этого я привожу себя в более-менее божеский вид, тра-тя на это минут десять, расправляю плечи и направляюсь в конференц-зал, сбросив пальто.

Дверь скрипит, и я вхожу прямо в разгар речи. В зале – десятки, нет, сотни сотрудников. Все сидят рядами, слушая Ноа, который стоит на сцене у огромного экрана, вещая уверенно, с ледяным выражением лица.

– Как я уже сказал, – произносит он, даже не заметив меня сначала. Потом его взгляд цепляется за меня, и уголки губ приподнимаются. – О, сделайте мне, пожалуйста, кофе, мисс Риддок, – произносит он на весь зал.

Несколько человек тихо хихикают.

– Вообще-то, я... – начинаю я, но он даже не дает мне закончить.

– В этом году все должно быть иначе, – продолжает он, будто я просто часть декора. – Особенно, если каждый будет выполнять свою работу.

Снова раздаются смешки и я чувствую, как пылают мои щеки.

– Моя работа... – пробую вставить хоть слово.

– Американо без сахара, пожалуйста, Риддок, – снова обрывает меня Ноа, даже не взглянув.

Я сжимаю зубы, улыбаясь так, будто не хочу размазать его

лицо по стене. Этот самодовольный тип только что поставил под сомнение мою экспертность перед всей командой, и я чувствую, как злость подступает к горлу. Но я вовремя замечаю мистера Норингтона, сидящего недалеко от сцены, с тем самым теплым, но пронизательным взглядом, который явно все видит и все понимает. Его присутствие остужает меня – ровно настолько, чтобы не взорваться. Поэтому я задираю подбородок, демонстративно бросаю сумку и пальто на стул у двери и направляюсь к стене, где устроен импровизированный кафетерий. Хочет кофе? Будет ему кофе. Только не тот, который он ожидает.

Я стараюсь не слушать его монотонную речь про какие-то проценты, графики и показатели эффективности. Слова Ноа звенят где-то на заднем плане, как назойливый комар. Моя работа сейчас – не презентации, а месть. Я наливаю в стакан черный американо, добавляю щедрую порцию карамельного сиропа, пару капель лимонного сока и две ложки соли. Отличный баланс – сладкое, кислое и ядреное. Если он хочет контроль, пусть контролирует выражение своего лица после этого.

Когда кофе готов, я с самодовольной улыбкой беру бумажный стаканчик с логотипом курорта. Глотнув внутренней уверенности, иду прямо к сцене. Каблуки отзываются четким стуком по полу, и я нарочно слегка виляю бедрами: пусть зрелище будет достойным, пусть видят, что я не просто девочка с кофе.

– Вы не представите меня, мистер Норингтон? – перебиваю я, подходя ближе к сцене.

– Не думаю, что это важно, – лениво отмахивается он даже не взглянув на меня.

Его голос сух и раздражающе спокойный. Но я уже поднимаюсь по ступенькам, протягивая ему напиток с самым милым выражением лица.

Я делаю вид, что просто ухожу, опускаясь в легкий реверанс и направляясь к краю сцены, но краем глаза жду – жду, когда он попробует. И вот – момент. Он подносит стакан к губам, делает глоток... и на мгновение застывает. Его брови дергаются, скулы напрягаются, а глаза на долю секунды расширяются, будто в них вспыхивает немое «что за черт». Ноа старается держать лицо, но по тому, как он кашляет, я понимаю – эффект достигнут.

– Ну а пока мистер Норингтон наслаждается своим кофе, я все же представлюсь, – громко произношу я, поворачиваясь к аудитории. Голос мой звенит ясно и уверенно, и все взгляды тут же устремляются на меня. – Мое имя Роми Риддок, и я новый бренд-менеджер Сильвер-Пика. Моя задача – создать единую концепцию и голос курорта, объединить все, что делает это место особенным, и превратить его не просто в бизнес, а в опыт, который люди будут помнить.

За спиной доносится сдавленное покашливание Ноа, но я не оборачиваюсь. Он может хоть подавиться – я еще не закончила.

– Нет, мы... – начинает он, но я слегка поворачиваю голову и спокойно произношу:

– Пейте ваш американо, мистер Норингтон. Или вы недовольны кофе на собственном курорте?

Несколько человек с трудом сдерживают смешки. Я вижу, как он застывает, понимая, во что вляпался. Если сейчас он сорвется, это выставит его в дурном свете перед командой, а его дедушка – прямо здесь, наблюдает. Поэтому Ноа натягивает на лицо неестественную улыбку и с мрачной покорностью делает еще глоток моей солено-карамельной мести.

И снова почти давится.

– Именно об этом я и говорю, – киваю я, делая шаг в сторону, обращаясь к залу. – Мы должны сохранять баланс, создавать комфорт не только для наших гостей, но и для себя. Мы – команда. И если мы не чувствуем радости, как мы можем ее подарить?

В общем и целом – я говорю еще не больше десяти минут, но этого хватает. Я вижу, как люди оживают – кто-то записывает, кто-то кивает, кто-то задает вопросы. Я отвечаю легко, с улыбкой, позволяя им чувствовать себя частью чего-то большего. Когда заканчиваю свою речь, кто-то начинает аплодировать, и аплодисменты быстро подхватывает весь зал.

Я чувствую, как по коже бегут мурашки. Впервые за день – не от холода и злости, а от восторга. Я спускаюсь со сцены, и Дин уже ждет меня у подножия лестницы. Он улыбается, протягивает руку, помогая сойти. Его взгляд – открытый,

теплый. А чуть дальше, возле колонны, стоит Ноа. Лицо у него безупречно спокойное, но глаза... глаза выдают все. В них злость, досада и то странное напряжение, которое делает воздух между нами почти осязаемым.

Отлично. Пусть знает, что его «капитуляция» только что превратилась в мою первую маленькую победу.

– Да, я хочу, чтобы вы тоже там были, Роми, – кивает Норингтон старший на следующий день, пока идет показывать мне мой рабочий кабинет. – Это формальная встреча. Ноа только покажет свои чертовы графики, но им просто необходимо увидеть ваш шарм, дорогая.

– Верно, – едва слышно отзывается Ноа рядом со мной так, чтобы его услышала только я, – все ведь в восторге от хаоса и разрушений.

– Это называется веселье, милый, – даже не взглянув на него хмыкаю я, – попробуй как-нибудь.

– Кабинет достаточно просторный, – продолжает босс, явно не слыша наших пререканий, – так что вам двоим точно хватит места.

– Двоим?! – отзываемся мы одновременно с Ноа, резко останавливаясь в коридоре перед входом в кабинет.

– Но это мой кабинет, – злится Ноа, – ей здесь...

– Вы делите одну должность на двоих, – спокойно перебивает Норингтон старший, открывая дверь внутрь. – Уверен, сможете ужитья и в одном кабинете. Это все, что сейчас в наших силах.

Кабинет выглядит как реклама успеха – сдержанная роскошь в каждом углу. Просторное помещение, залитое солнечным светом, который отражается от панорамных окон и

играет бликами на деревянном полу цвета горького шоколада. На одной стене – огромная картина со снежными пиками Аспена, на другой – встроенный камин, от которого тянет уютным теплом. Возле противоположных стен стоят два одинаковых стола: строгие, массивные, с безупречно отполированной поверхностью. Между ними – ровно метр нейтральной территории.

– Здесь красиво, – признаюсь я, пока верчу в руках какую-то декоративную статуэтку, похожую на кусок современного искусства или, возможно, обломок чужого терпения.

Она внезапно оказывается тяжелой и, конечно, падает на пушистый белоснежный меховой ковер с глухим звуком.

– И уже безумно шумно, – закатывает глаза Ноа, будто я лично испортила его графики и показатели.

– Уверен, – спокойно добавляет Норингтон, будто не замечая, что между нами напряжение можно наматывать на катушку, – вы поладите. Иногда две головы лучше одной. Меня сегодня не будет на презентации, но я свяжусь с Джейкобом. – Он кивает в мою сторону. – Это один из наших главных инвесторов. Так что, пожалуйста, ведите себя прилично. Я и так едва отошел от вашей последней выходки на общем собрании.

Я не удерживаюсь и хмыкаю. Ну а что? Его “едва отошел” звучит как “я все еще вижу это в кошмарах”. Ноа, конечно, сверлит меня глазами – тяжелым, раздраженным взглядом,

но мне плевать. Пусть смотрит. От моих улыбок никто еще не умирал – разве что от раздражения.

– Мы это прояснили? – спрашивает Норингтон.

– Конечно, – снова в унисон отвечаем мы.

– Отлично. Тогда увидимся в выходные.

Он уходит, оставляя за собой запах дорогого парфюма и ощущение, будто теперь в комнате стало на несколько градусов холоднее. Я мгновенно направляюсь к столу у окна – там вид на горы, снег блестит как сахарная пудра. Ставлю на стол свою коробку с вещами, но Ноа, как по сигналу, делает то же самое.

– Это мой стол, – хмурится он.

– Я первая заняла его!

– Я сидел за ним три с половиной года, займи тот, у двери.

– Пока тут нет твоих вещей – это не твой стол, Ноа, и...

Он не дает мне договорить. В следующую секунду его рука уже в коробке, и он вынимает оттуда фоторамку. На фото он с каким-то лыжным трофеем и не улыбочивым лицом, как будто даже там ему заплатили за хмурость. Он ставит рамку на стол демонстративно, медленно, с выражением победителя.

– Разве? – произносит он, облокотившись на край стола. – Сейчас здесь есть мои вещи, красotka.

Я тяжело выдыхаю, чувствуя, как в груди закипает что-то вроде раздражения и усталости вперемешку. Подхватываю

свою коробку, рывком прижимаю к груди и перехожу к другому столу, к тому, что у двери. Больно надо – я не собираюсь устраивать войну за кусок мебели. Расставляю вещи: кружку с надписью “Пусть идет снег (где-нибудь в другом месте)”, ноутбук, блокнот, пару карандашей. Делаю вид, что полностью погружаюсь в работу. Проблема только в том, что работа – как чай без сахара: идет, но с кислой миной.

Два часа я суюсь во все стороны, пытаюсь собрать макет зимнего мероприятия. Это не просто вечеринка – это целый праздник снега и глянца: соревнования по лыжному спуску, шоу, дегустации, фотозоны. Пространства на столе не хватает, поэтому я опускаюсь на пол, раскатываю ватман, разложив эскизы, словно снежные хлопья. Наушники на голове, музыка глушит мир – и, хвала небесам, Ноа. Он время от времени бубнит что-то про цифры и логистику, но я просто делаю то, что умею: соединяю спорт и роскошь, драйв и блеск.

Когда наконец дело сдвигается с мертвой точки, я чувствую, что все складывается идеально. Ватман почти готов, линии чистые, идеи живые. Но именно в этот момент бубнеж, который доносился даже сквозь музыку, внезапно стихает. Тишина – опасная, как натянутая струна. И прежде чем я успеваю снять наушники, в мою спину что-то прилетает.

– Какого... – я сдергиваю наушники, оборачиваясь на раздраженного Ноа, когда в меня прилетает скомканный листок бумаги. – Чего тебе? Некоторым из нас нужно работать.

– Я это знаю, – злится он.

Он выглядит так, будто пережил самый сильный стресс в своей жизни. Воротник рубашки расстегнут и сбит, словно кто-то торопливо рвал его в попытке вырваться из официального шаблона. Галстук валяется у края стола, наполовину соскользнув и потеряв свое достоинство. Волосы у него в беспорядке, будто он рвал их на себе – или по крайней мере думает об этом – и эта небрежность делает его только опаснее. Лицо же бледно, глаза – острые, как нож, и в них вспыхивает раздражение, которое пахнет кофе и недосыпом.

– Именно это я и пытаюсь делать, – продолжает он, – но чертова Тейлор Свифт из твоих наушников заставляет меня лишь страдать.

– Это Майли Сайрус вообще-то, – хмыкаю я, – но если тебе нужна минутка на поплакать под Тейлор...

– Просто, – перебивает он, собственноручно затыкая себя, чтобы не сказать лишнего, – сделай тише и...

– Я в чертовых наушниках, Ноа, – оправдываюсь я, – я устала слушать вздохи умирающего кота выходящие из твоего рта, а ты просишь меня сделать тише? Этого не будет.

Он, подавляя раздражение и какую-то почти звериную агрессию, резко встает из-за своего стола. Обходит его и подходит ко мне так близко, что я чувствую легкий запах его одеколона и еще более крепкое ощущение угрозы. Ноа нависает надо мной, высокий и острый, словно тень большого дерева в ясный день. Мне не нравится, как его тень ложится

на мой ватман, но я не отступаю.

– Поверь мне, красота, ты не хочешь слышать никаких других звуков выходящих из моего рта, кроме этих. Мне нужна тишина и порядок, а не "вечеринка в Америке" из динамиков с кучей блесок и разноцветных лент на моем полу.

– Тогда тебе лучше поработать в другом месте.

Я ставлю на этом точку и возвращаю все свое внимание к ватману у колен. Бумага холодит ладони, но мне нравится, как набросок смотрится: аккуратно, живо, почти по-детски весело. Это всего лишь черновик, но он дорог и мил мне в своем зародыше. И тут Ноа совершает то, что делает его классическим злодеем мелкого масштаба: своей огромной ногой он задевает мой стакан с остатками кофе. Жидкость заливает угол ватмана, растекается по линии, которую я только что провела, и мне хочется выть от несправедливости.

– Ноа!

– Ой, как неловко! – наигранно извиняется он, когда я пытаюсь спасти остатки, – надеюсь, здесь не было ничего важного!..

Он тут же растворяется в коридоре, хлопнув дверью так, что жалюзи на окне дрожат. Внутри меня все сжимается – из ребер выползает теплая, колкая злость, как горящий уголь. Физически это ощущается как прилив адреналина: сердце бьется быстро, ладони мокнут, и у меня появляется вкус металла во рту. Морально я ошарашена и раздражена одновре-

менно: жалость к утраченной работе и ярость на его бесцеремонность сплетаются в тугом узле. Злость побеждает – она громче и проще, чем попытки рационализировать. Я просто чувствую, как готова мстить – не чтобы уничтожить его, а чтобы отомстить за себя и за ватман.

Я подпрыгиваю с пола, и месть становится планом. Не я начала эту войну, но я на нее отвечаю. Быстро осматриваюсь у его стола в поисках чего-нибудь, что ударит сильнее, чем пролитый кофе. В принципе, на первый взгляд здесь только его личные вещи – аккуратно разбросанные кабели, блокнот с графиками и фоторамка. Но этого достаточно. Немного беспорядка, немного изменений внешнего вида – и его хмурость будет выглядеть иначе. Я точно не собираюсь ломать что-то ценное, но способ покусать его гордость у меня есть.

Возвращаюсь за своим канцелярским набором и тащу всю корзинку на его стол целиком. В ней маркеры, блески, яркие ленточки, наклейки и маленькие декоративные пуговицы – все, что может превратить надменный внешний вид Ноа в слегка убогую праздничную форму. Я работаю быстро и почти с любовью – знаю, что он не проверит все досконально – он уже опаздывает и не будет тратить время на мелочи перед инвесторами. Но даже если заметит, как минимум – один из его чопорных и угрюмых галстуков будет испорчен эстетически, и это уже победа.

Вернув все, как было, я тихо убираю следы своего вмешательства и первая покидаю кабинет. На мне черные обтя-

гивающие джинсы, рашгарт темного цвета, волосы собраны в неаккуратный хвост, но я все еще выгляжу мило и почти официально. В конференц-зал я вхожу с легкой уверенностью, здороваюсь с парой мужчин в дорогих костюмах и тремя дамами в изысканных строгих платьях. Я веду с каждым мелкую, светскую беседу, вежливо извиняюсь за задержку Ноа, как раз в тот момент, когда он влетает в кабинет в своем галстуке.

– Прошу прощения за опоздание, – тараторит он пробираясь во главу стола у панорамного окна, пока я стою ровно на противоположной стороне и наслаждаюсь первыми смешками.

Я сделала все возможное, чтобы каждый присутствующий в этой комнате знал мое имя.

– Я рада приветствовать вас всех здесь сегодня, – начинаю вступительную речь я, – Если, к моему сожалению, мы не успели с вами познакомиться до этого – мое имя Роми, – я снова делаю на этом акцент, – я новый бренд-менеджер Сильвер-Пик и...

– Да, да, все это очень мило, – хмурится Ноа, перетягивая на себя внимание, – но давайте приступим к работе и...

– Это неприлично, Ноа, – хмурится тот самый Джейкоб о котором говорил Норингтон-старший, – Разве можно говорить в таком тоне и перебивать свою невесту?

Я хмыкаю, стараясь спрятать в пол свои глаза, чтобы не

засмеяться сильнее, наслаждаясь недоумением Ноа.

– Мою... кого?

– Невесту, – кивает мисс Марселот на галстук Ноа, когда я уже буквально прикрываю рот рукой.

– Мы не...

Он в полном замешательстве, но злость медленно и верно заполняет его. Ноа тяжело выдыхает – звук почти режет комнату – и бросает на меня убийственный взгляд, в котором смешиваются недоумение и готовность к бою. Затем, он тянется к своему галстуку и опускает взгляд вниз. Там, на черной дорогой ткани, белым перманентным маркером с куцей блесток написано:

"Я люблю Роми. Ты выйдешь за меня?"

И я официально засчитываю этот раунд за собой.

– Так значит, – хмыкает Дин, подавая мне собственноручно приготовленный чай с малиной, – тебе здесь нравится?

– По большей части, – согласно киваю я, запихивая в рот картофельное пюре с трюфельным соусом и креветками, – особенно когда ты балуешь меня подобными обедами.

Всю неделю я обедаю либо с Дином, либо с Тайлой – той самой девушкой с ресепшена, которая в мой первый день здесь, еще до собеседования, к горькому кофе принесла апельсиновый сок. Мы вроде как... подружились. Она рассказывает мне сплетни о постояльцах, я делюсь тем, как чуть не сожгла кухню, когда попыталась разогреть сендвич в тостере. С Дином все иначе – он милый, спокойный, немного застенчивый... и больше не рискует звать меня на свидание, чему я радуюсь ровно настолько же, насколько это немного обидно.

– Это одно из моих фирменных блюд и...

– Красотка, – возле нашего столика появляется как обычно угрюмый Ноа, пихая мне под нос какие-то бумаги, – что это?

– А на что это похоже? Переработанная целлюлоза, древесина ели или сосны и...

– Ты одобрила возобновление работы пятого комплекса?! – хмурится он, отодвигая Дина напротив меня дальше

по диванчику, чтобы сесть самому.

– Я предоставила всю необходимую смету и план работ твоему дедушке, и он согласился, – пожимаю плечами я.

– Правда? – хмуро тянет он, – и почему я не увидел ничего из этого?

– Потому что ты весь день бродил непонятно где? – предполагаю я. – У некоторых из нас вообще-то рабочий день.

– Мне нужны эти бумаги, Роми.

– Они на моем столе и...

– Черт, Риддок, – злится Ноа, – наверное, я проверил твой стол прежде чем вмешаться в твое милое свиданьице – там пусто.

– Мы не вместе, мы... – начинает оправдываться Дин, но теперь злюсь я.

– Не знаю, каким местом ты смотрел, Ноа, но я точно знаю, что они в синей папке прямо по центру моего стола.

– По центру стола? – хмыкает он, откидываясь на спинку диванчика. – Ты хоть знаешь, где там центр, красotka? Ты завалила весь мой кабинет своим барахлом, что там черт ногу сломит. Там не то что центра стола не найти, там сам стол даже на ощупь не отыскать.

Он начинает выводить меня из себя так уверенно, будто у него есть на это лицензия. Его спокойная, язвительная интонация подливает масла в огонь с каждым словом. Я чувствую, как где-то в груди начинает подниматься волна раздражения, смывающая остатки аппетита и легкое, почти

уютное настроение “не свидания”. Вся теплота растворяется, будто кто-то выключил солнце. Теперь мне хочется только одного – доказать этому несносному мужчине, что он ошибается. И, возможно, слегка пожалеть, что связался со мной в обеденное время.

– Спасибо за обед, Дин, – не разрывая зрительного контакта с Ноа говорю я, – рада была пообедать с коллегой, раз уж мы не вместе. – Я сдергиваю салфетку со своих колен и со звоном кладу ее на стол. – Но теперь извини, мне нужно открыть глаза другому своему коллеге.

Я поднимаюсь со своего места, чувствуя, как спина выпрямляется сама собой, как у человека, готового к дуэли. Поправляю подол своего черного офисного мини-платья, чувствуя, как ткань мягко ложится по бедрам, и направляюсь к выходу. Каблуки стучат громко, намеренно, будто я объявляю войну всей плитке этого ресторана. Выхожу из зала и иду по коридору к нашему кабинету, кипя внутри как чайник без крышки. Через пару секунд слышу за спиной шаги – ровные, уверенные. Ноа догоняет меня, но не подходит вплотную. То ли потому что понимает, как я сейчас зла, то ли потому что пялится на мой зад. Судя по паузам в его шаге – я почти уверена, что второе.

Но он явно не рассчитывает, что новый прилив моей злости настигнет нас, когда я вхожу в наш кабинет.

– Они вот... тут.

Мне приходится дважды моргнуть, чтобы поверить в про-

исходящее. Еще раз – на всякий случай. Потом я машинально оглядываюсь на дверь, чтобы убедиться, что не перепутала помещение. Но нет – табличка на месте. Номер кабинета правильный. А вот все остальное... нет. Абсолютно нет.

– Где мои вещи, Ноа? – оборачиваюсь я на него, стоя в дверном проеме, скрещивая руки на груди.

В кабинете пусто. Не совсем, конечно – вся мебель на месте, как и идеально организованные вещи Ноа: его ноутбук, стопка бумаг, аккуратно сложенный пиджак на спинке кресла. Но нет ни единого намека на мое присутствие. Ни стола, ни коробок, ни моих записок, ни любимой кружки с отпечатком помады. Ничего. Только идеальная чистота, стерильный порядок и этот безупречный запах – успеха, контроля и раздражающего перфекционизма. Кабинет теперь выглядит так, будто я никогда здесь не существовала.

– Тут были твои вещи?! – под дурочка косит Ноа, входя в наш кабинет и пробираясь к своему шкафу. – Что-то я не припомню такого, но... я видел какие-то вещи в подсобке, если тебе будет интересно.

Он хмыкает, открывая шкаф и уже тянется за своей курткой, но я со всей силы хлопаю по двери шкафа, едва не прижав ему руки. Ноа отдергивает ладони, как будто я только что укусила его за палец, и в его глазах мелькает удивление, быстро сменяясь на раздражение.

– Ты прервал мой обед, потому что так сильно хотел увидеть мое недовольное лицо, когда я застану это?

– Я прервал твой обед, чтобы ты перестала флиртовать с моими сотрудниками, – хмыкает он, снова открывая шкаф и доставая оттуда свою куртку.

– У вас нет запретов на отношения в коллективе, – напоминаю я, скрещая руки на груди, – твой дедушка буквально благословил нас.

– Что поделать? – пожимает он плечами, – Человек уже в возрасте. Не в себе.

– Конечно, иначе как объяснить его решение назначить тебя генеральным директором Сильвер-Пика.

Ноа закатывает глаза и едва сдерживает злость, сильно сжимая челюсть. Я вижу, как по его лицу пробегает та самая волна недовольства, когда внутри что-то щелкает и превращает совсем недавно спокойного человека в угрюмую машину для приказов. Он делает глубокий вдох, собираясь с духом, и это выглядит так, будто он готов атаковать меня графиками.

– Просто найди документы, красотка, – напоминает он. – Мне нужно съездить до пятого комплекса и встретить рабочих. Я вернусь через час, если из-за ночной снежной бури не возникнет проблем со снегоходом. Потом я хочу увидеть чертовы документы, Роми.

Он обходит меня и скрывается в коридорах, снова уходя по своим делам, а я стою и смотрю на пустое место, где был мой стол, и понимаю, что отыскать мои вещи теперь моя проблема.

На поиски уходит больше часа: Ноа раскидал коробки и мои личные вещи по семи разным кладовкам, словно играл в маленький садистский квест. Я таскаю все обратно сама, но когда в панорамном окне вижу, как он возвращается, паркует снегоход на привычном месте и направляется в общую душевую для персонала, в моей голове щелкает план. Главное – успеть до того, как он переоденется и снова будет всемогущ.

Я буквально бегу по коридорам главного здания курорта, почти скользя в сапогах по заснеженным каменным дорожкам и игнорирую мороз, потому что цель оправдывает любое безрассудство. Сердце стучит, дыхание парит облачками, а в ладонях приятно ноет холод, как напоминание, что я живу и могу действовать. Я буквально превращаюсь в ниндзя: бесшумные шаги, резкие повороты, я проскальзываю через служебные двери и ныряю в зону душевых, как морской котик в теплый бассейн. Если мне снова повезет, Ноа устроит целое шоу именно в тот момент, когда большинство постояльцев вернутся со склона на второй обед.

Внутри душевых нет общей зоны – помещение сразу делится на мужскую и женскую часть, и я без долгих сомнений пробираюсь в мужскую. К счастью, никого нет – только вещи Ноа, аккуратно сваленные на скамейке. Я слышу, как он что-то напевает себе под нос – и я готова поклясться, что это «Love Story» от Тейлор Свифт – и от этой мысли мне становится смешно и зловеще одновременно. Водяной шум маскирует мои шаги, и я тихо собираю все его вещи: шапку,

куртку, нижнее белье, теплые ботинки – все, что помешает ему спокойно выйти наружу. Но не все так просто: я беру еще чистые полотенца, халаты и все, чем он мог бы прикрыться, оставив лишь одну банную шапочку. Телефон, часы – ничего не осталось – он не докричится до помощи, пока кто-то не заглянет сюда в конце смены, а я прекрасно знаю, что персонал предпочитает личные душевые в своих комнатах.

Довольная я выбираюсь обратно на улицу и иду в наш кабинет, гордая собой, но едва добравшись до уличной лестницы основного здания, слышу чертовски недовольное и протяжное:

– РОМИИИИ!

Я оборачиваюсь и замираю на месте, в руках мои трофеи – его вещи, чистые полотенца – а вокруг уже пара людей, которые так же оборачиваются на шум. И в этот момент Ноа делает то, чего я никак не ожидала – он выходит без стыда и совести. Полностью голый, прикрывая нужную ему область своей банной шапочкой, и идет босиком по снегу. Холодный воздух рисует пар вокруг его тела, капли воды блестят на плечах, и он выглядит – совершенно абсурдно и невероятно – как чертов греческий Бог, который заблудился и потерялся на лыжном курорте. Мой план мести вдруг сталкивается с самой большой проблемой: я не могу смотреть в сторону разрушения его достоинства, потому что глаза предательски залипают на его теле, а сердце начинает играть другую, подозрительно счастливую мелодию.

Было очевидно, что Ноа красив – это знали все женщины в радиусе километра. Но сейчас, когда я вижу его голого, этот факт приобретает совершенно другой масштаб. Голые, мощные плечи, блестящие от снега и воды, напряженные бицепсы, пресс с шестью идеальными кубиками, и эти V-образные мышцы, исчезающие под нелепой шапочкой для сауны... Честное слово, я бы поклялась, что воздух вокруг меня нагревается, хотя над нами идет настоящий снегопад. Щеки горят, дыхание сбивается, и я внезапно понимаю, что не чувствую ни холода, ни ветра – только катастрофическую неловкость и странное восхищение, которое никак не скрыть.

Ноа, впрочем, выглядит почти довольным собой – и это бесит еще больше. Его нисколько не смущают люди вокруг: кто-то уже достает телефоны, девушки хихикают и спрашивают, свободен ли он сегодня вечером, а один мужчина рядом со мной поспешно прикрывает ладонью глаза своей жене. Норингтон идет через снег с таким видом, будто дефилирует на подиуме Миланской недели моды, только вместо костюма – мороз и банная шапочка. Он идет прямо ко мне, шаг за шагом, и останавливается слишком близко – опасно близко.

– Знаешь, красotka, – он наклоняется так, что пар от его дыхания – единственное, что я вижу перед собой. Его голос низкий, почти ленивый, но с той самой опасной искрой, от которой у меня подгибаются колени. – Если тебе так сильно хотелось увидеть меня голым – могла бы просто попросить.

Он рывком забирает всю гору вещей из моих рук – и свою одежду, и все банные принадлежности, которые я успела прихватить – и просто разворачивается, будто ничего не случилось.

Последнее, что я вижу, прежде чем он скрывается в холле курорта – его идеальный, накачанный, абсолютно голый зад – пока я стою на лестнице с разинутым ртом и чувством, что Санта только что вычеркнул меня из списка «хороших девочек».

– Говорю вам, он что-то задумал! – хмурюсь я, расхаживая взад-вперед в кабинете мистера Норингтона старшего.

– Ты это решила... потому что он был милым? – непонимающе моргает дедушка Ноа.

– Целых десять дней! – взрываюсь я. – Говорю вам, это не просто так! Я уже начинаю бояться за собственную жизнь!

И это, между прочим, не преувеличение. Ноа был невыносимо любезен со мной последние десять дней – настолько, что я начала проверять кофе на яд. Он приносил мне мой любимый карамельный раф, который здесь вообще невозможно достать, будто лично сгонял за ним в другой город. Я раздражала его – а он улыбался так мило, что на щеках появлялись ямочки, которых я раньше не видела, похлопывал меня по макушке, как ребенка, и вдруг крепко обнимал, так что я не могла вдохнуть. Я выводила его из себя – а он включал Тейлор Свифт в нашем кабинете, потом в лобби, потом по громкоговорителю на улице курорта. Из ее большой фанатки я всеми усилиями Норингтона-младшего становилась ее главным хейтером, и...

– Он смертельно болен, да?! – предполагаю я, наваливаясь двумя руками на стол мистера Норингтона. – Ноа вот-вот умрет, а мне никто не сказал!

Мгновенная пауза настолько плотная, что я почти слышу,

как тикают настенные часы. Мужчина на меня смотрит, будто примеряет диагноз – для кого из нас он подходит больше. А потом вдруг разражается смехом. Смеется громко, заразительно, хлопает ладонью по столу.

– Ты преувеличиваешь, Роми, – сквозь смех выдыхает он. – Может, он просто... поднял белый флаг? Увидел, что твоя работа приносит результаты и...

– Моя работа? – хватаюсь за сердце, как актриса из мыльной оперы. – Кто-то выложил в соцсети видео с голым задом вашего внука, которое за сутки набрало семнадцать миллионов просмотров, и вы называете это моей работой?!

– Ну это ведь ты стащила его вещи, Риддок.

– Он вынес всю мою часть кабинета! – будто оправдываюсь я. – Я думала, он просто просидит там до вечера, а не выйдет щеголять своим достоинством!

– Что ты от меня хочешь, милая? – устало выдыхает мужчина, откидываясь на спинку кресла. – Чтобы я наказал его? Тебя? Вас обоих? Единственное, что мне нужно – это второе дыхание этого курорта. И если голый зад моего внука в интернете дает нам его – можешь продолжать в том же духе.

Он не понимает. Совсем. И это сводит меня с ума. Меня злит, что он просто смеется, когда я, между прочим, бю тревогу. Меня расстраивает, что никто не видит очевидного – Ноа затеял что-то коварное. И чем дольше я об этом думаю, тем сильнее меня гложет тревога, как будто я стою на склоне перед лавиной.

– Вот увидите, – предупреждаю я, – Ноа что-то натворит, и я окажусь в беде!

С этими словами я выхожу из кабинета настоящего босса и плетусь к нашему с Ноа. Я не видела его весь день – он зависает у пятого корпуса, контролируя рабочих. Ему нравится делать вид, что он трудяга, хотя на самом деле просто терроризирует персонал своим ворчанием. Скоро туда заседают гостей, и Норингтон-младший бегает туда-сюда, будто от этого процесс ускорится.

Проходя мимо главного лобби, я невольно улыбаюсь. Все выглядит... живым. На диванчиках толпится молодежь с рюкзаками и лыжами, кто-то уже делает селфи у камина. У ресепшена парень продлевает бронь еще на неделю, а милая семейная пара выходит с обеда, смеясь с детьми – курорт наконец дышит.

Честно говоря, я горжусь собой. Благодаря моим корректировкам семьи и молодежь теперь пересекаются только в нескольких общих зонах. Молодежь тусит, шумит и гуляет, а семьи спокойно отдыхают, дети спят после десяти вечера, родители расслабляются в спа и никто не орет "YOLO!" под окнами детских спален – мое маленькое рождественское чудо логистики.

– Вот ты где, привет, – прямо передо мной, как из ниоткуда, возникает Дин.

Я вздрагиваю и не понимаю, что чувствую.

Я до сих пор не знаю, как к нему относиться. Он милый,

внимательный, заботливый – до тех пор, пока рядом не появляется Ноа. Стоит Норингтону войти в поле видимости – Дин превращается в нервный комок, начинает отшучиваться, извиняться и буквально испаряется из разговора – аведь еще утром он намекал на свидание.

– Ты не видел Ноа? – спрашиваю я, чем моментально заставляю его дернуться и оглянуться, будто тот может материализоваться прямо за спиной.

– Нет, я... мне сегодня везло, так что я с ним не пересекался.

– Отлично, – киваю я и оттаскиваю его к панорамному окну, чтобы избежать подслушиваний. – Тогда нам нужно поговорить. Ты ничего не хочешь мне сказать?

Он тут же краснеет, будто кто-то включил прожектор прямо ему в лицо. Щеки заливает румянец, и он неловко чешет затылок, пытаясь сделать вид, что просто задумался. Но у Дарзала ничего не выходит – пальцы путаются в волосах, а взгляд мечется между мной и полом. Неловкость буквально вибрирует в воздухе. Он выглядит так, будто готов провалиться сквозь землю, но упрямо держится, изображая уверенность, которой явно ему не хватает. Я уже говорила, что предпочитаю уверенных в себе парней?

– Нет, я...

– Ты хочешь позвать меня на свидание или нет? – уже не сдерживаюсь я. – Мне нужно понимать, что именно здесь происходит и какое отношение к этому имеет Ноа?

– Да! – выпаливает Дин, будто очнувшись. – Да, конечно, хочу. Я хочу позвать тебя на свидание, Роми, просто Ноа...

– Сукин сын! – заканчиваю за него я, потому что, очевидно, права.

За его спиной я вижу Ноа. Не просто его хмурое, раздражающе красивое лицо, не идеальное тело, обтянутое свитером, и даже не растрепанные волосы, будто он только что вышел из рекламы «я слишком крут, чтобы расчесываться». Нет. Я вижу, как этот идиот на полном серьезе развешивает мое нижнее белье на елки у парадного входа, словно решил превратить их в рождественское порно-шоу. И как я знаю, что оно мое? Поверьте, некоторые вещи ты узнаешь сразу, без сомнений. Особенно если это кружевное белье с бантиками.

– Ты. Просто. Ненормальный. – злюсь я, вылетая на улицу, пока Ноа с абсолютно спокойным видом фотографируется с какими-то девушками в горнолыжных костюмах на фоне елок, украшенных моими трусиками.

– Последний писк моды в Милане, красotka, – довольно хмыкает он, когда девушки отходят, оставив его в окружении кружев и смеха.

От меня не ускользает, как одна из них едва заметно вкладывает что-то в его ладонь – наверняка номер телефона. А он даже не моргает, продолжая вешать мои трусики, будто это его официальные рабочие обязанности. Seriously, он делает это с таким видом, словно курорт поручил ему «укра-

силь деревья символами страсти и позора Роми».

– Ты что, вломился в мой номер?! – почти визжу я, хватывая у него очередной кусок ткани, который он еще не успел повесить.

– Тебе следует вернуться в холл, Роми, – мягко тянет он, как будто мы обсуждаем погоду, и берет мой лифчик с ветки. – Замерзнешь.

– Зачетная инсталляция, мужик! – кидает ему кто-то мимоходом, и Ноа пробует изобразить улыбку, но получается как-то... слишком хмуро даже для хмурого.

– Верни мне это, – требую я, собирая свое белье с веток, чувствуя, как мое терпение улетучивается быстрее, чем горячий шоколад на морозе. – Ты вообще не в себе? Я подам заявление за проникновение на частную территорию и кражу!

– Кражу? – фыркает он, бросая в урну тот самый листок, даже не взглянув. – Я нашел это в прачечной. Кто-то забыл.

– Это неправда, – гневно приближаюсь я, – тут буквально все цвета радуги. Я бы не стирала все это вместе.

– Ну, – пожимает плечами он, – теперь тебе придется.

– Тебе не кажется это жалким? – хмыкаю я, уперев руки в бока. – Я заставила тебя раздеться и пройтись голым, а ты просто развесил на елки мое белье?

– А чего ты ждала? – не отрываясь, отвечает Ноа. – Что я должен быть оскорблен? Мне нечего стыдиться, красотка. Я более чем доволен своей физической формой. Или предла-

гаешь теперь раздеть тебя? Но учти, я не люблю делиться.

– Оо, правда? – усмехаюсь я. – Не припомню, чтобы ты назначал мне свидание... Хотя, погоди, кто-то другой уже сделал это.

– Он уже в курсе, что с ним станет, когда он станет твоим бывшим? – хмыкает Ноа, даже не взглянув на меня. – Я до сих пор не нашел даже щепок от своих лыж.

Злость накрывает, как снежная лавина. Горячо, тяжело, с ощущением правоты, которая вдруг оказывается таким же проклятьем, как и победа. В груди все сжимается, ладони дрожат, дыхание обжигает горло. Я чувствую, как каждая мышца хочет броситься на него – то ли ударить, то ли поцеловать (что, очевидно, ужасная идея). Щеки горят, а внутри все кипит от возмущения и какого-то дурацкого, неподконтрольного возбуждения.

– Отлично, знаешь что? Я была права – ты ненормальный, мстительный, мелочный и...

– Ну последнее – точно ложь. Ты ведь сама все видела, верно? – ухмыляется он, и мои щеки вспыхивают от воспоминаний.

– Я просто... – делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. – Стащу твою кредитку, засяду на сайте «Этам» и потрачу как минимум четыре тысячи долларов.

Разворачиваюсь на пятках и ухожу прочь, громко цокая каблуками, потому что злость заслуживает звукового сопровождения. Воздух щиплет щеки, снег хрустит, а позади раз-

дается смех и щелканье телефонов – теперь весь курорт будет знать о моем кружевном дебюте. Я иду быстрее, пока холод не начинает щипать нос, пока злость не сменяется каким-то странным чувством: смесью унижения и... смеха.

– Я предпочитаю видеть на тебе черный шелк, красотка! – кричит Ноа мне вслед, и я показываю ему средний палец, не оборачиваясь, прежде чем скрыться в лобби.

Я залпом выпиваю второй бокал шампанского, как будто это изотоник после заезда. Пузыри дерутся в горле, а в голове вспыхивает легкий фейерверк – тот самый, когда ты понимаешь, что третий бокал будет твоей гибелью. Я держусь изо всех сил, чтобы не перейти на шоты водки, хотя бармен только и ждет, когда я махну рукой. В этом участие всех профессиональных спортсменов – нас учили держать равновесие, а не градусы. Когда тебя заботит только карьера, ты не пьешь вообще. А потом от карьеры остаются лишь пара фоток и запылившиеся медали где-то в коробке у родителей в гараже – и оказывается, что ты не просто не умеешь проигрывать, ты еще и не умеешь пить. Организм сопротивляется, как при первом падении, и я чувствую, как опьянение подкрадывается слишком быстро.

Но сегодня это, наверное, и к лучшему. Я провела идеальное мероприятие по лыжному спуску – Норингтон-старший раздал три интервью и выглядел так, будто лично спас зиму, а гости просто сияют каким-то восторгом – ко мне подошли семь человек за последний час, чтобы сказать, как сильно им все понравилось. Семь! Это почти аплодисменты стоя, если бы не то, что все сидят в мехах и с глинтвейном. И все же... да, я молодец. Формально.

Может, большинству и правда все понравилось, но мне –

нет. Мне больно и грустно, до физического скрежета внутри. Корсетное платье в пайетках вызывает чесотку, как будто егошили из осколков елочной игрушки. Каблуки убивают ступни, а гладкий пучок так туго стянут, что, кажется, еще немного – и мой скальп подаст заявление на увольнение. Я даже не знаю, какая боль сегодня сильнее – та, что от платья и шпилек, или та, что где-то глубоко, от осознания: я больше никогда не выйду на склон, не услышу стартовый сигнал, не почувствую тот адреналин, который раньше был моим воздухом.

Сегодняшнее соревнование я смотрела, как свою жизнь на перемотке. Сердце разрывалось на части, а колено ныло, будто пыталось напомнить, кто здесь главный разрушитель моих мечт. Мне понадобилось пятнадцать минут в крошечной камерке метр на метр, чтобы расплакаться, спрятавшись от всех. Я не хотела, чтобы кто-то видел – тем более Ноа. Последнее, чего мне не хватало, – это его саркастичных комментариев и презрительных взглядов из серии «не начинай».

Поэтому сейчас я в безопасном месте – у бара. Здесь, среди смеха, блеска, музыки и людей моего возраста, можно хотя бы сделать вид, что жизнь прекрасна. Афтерпати сверкает, как рождественская витрина: женщины в блестках, мужчины в дорогих костюмах, шампанское льется рекой, а где-то в углу диджей так страстно крутит треки, будто спасает мир. И главное – здесь нет Ноа. Этот святой угрюмый красавец, с лицом, будто вырезанным из мрамора, не пьет. Я заметила,

как он обходит подобные места, как чуму. Именно поэтому бар – мое идеальное укрытие. Или... я так думала.

– Ужасно выглядишь, красотка, – голос за спиной обрушивается на меня, когда я заказываю у бармена первый шот водки.

Я вздрагиваю. Ноа подходит ближе, лениво облакачивается на стойку и с явным удовольствием осматривает меня – медленно, снизу вверх. Его взгляд скользит по моим голым ногам, задерживается на бедрах, потом выше – и, наконец, на глазах. Уголок его рта чуть дергается.

– В смысле, не ты сама, – хмурится он, делая пальцем круги в воздухе у своего лица, – но что-то вот здесь не так.

– Кислая мина?

– Ага.

– Мне казалось, я всегда так выгляжу, когда вижу тебя, Ноа.

– Вообще-то...

Я не дослушиваю. Передо мной появляется стопка водки – прозрачная, холодная, как и душа Норингтона-младшего. Хватаю ее и опрокидываю залпом, чувствуя, как по телу пробегают огонь. Сейчас я не хочу ссориться, не хочу остроумно подыгрывать его очередным подколкам – сегодня я просто хочу забыться.

– Ты в... – начинает он, но не успевает договорить.

– Ноа? Какого черта ты здесь? – раздается за спиной уверенный, чуть насмешливый голос.

Я оборачиваюсь. Незнакомый мужчина улыбается, и на миг даже воздух рядом теплеет.

– Привет, мужик, – отзывается Ноа, и его лицо чуть смягчается.

Невероятно. Оказывается, он умеет не хмуриться!

– Не думал, что увижу тебя за баром, – говорит незнакомец, явно удивленный.

– Приходится контролировать своих сотрудников, – кивает Ноа в мою сторону.

И тут незнакомец поворачивается ко мне. Его взгляд теплый, живой, немного дерзкий. Строгий костюм на нем сидит безупречно, но это не тот холодный стиль, как у Ноа – он будто случайно родился красивым и обаятельным. Улыбается так, что хочется аплодировать. И все же... даже он не может переплюнуть Ноа. Я сама на себя злюсь за это признание. Да, я почти всегда вижу Ноа в строгих костюмах, но сегодня... О, черт. Мы уже обсуждали греческих богов?!

Ноа выглядит так, будто только что сошел с обложки журнала, где слово «совершенство» прописано капслоком. Черный смокинг сидит на нем так, как будто ткань сама выбрала его тело, а не наоборот. Белоснежная рубашка подчеркивает загар, воротник чуть расстегнут, и я ловлю себя на мысли, что могла бы написать диссертацию о том, как у него ложится воротничок на ключицы. Волосы приглажены, но как-то нарочито небрежно, а в кармане поблескивает запонка, которая, кажется, стоит дороже моей аренды за год. От него

пахнет холодом, свежестью и тем самым дорогим парфюмом, что пахнет не ароматом, а властью. И когда он поворачивает голову в мою сторону, лениво, будто это не имеет никакого значения – между моих ног становится слишком тепло. Я мысленно благодарю корсет этого платья за то, что он держит меня в вертикальном положении.

– Вообще-то, – говорю я, наконец приходя в себя и проверяя время на экране телефона, – мой рабочий день закончился в десять вечера. Так что я уже как полтора часа на своем законном выходном.

Незнакомец, стоящий рядом, хмыкает и протягивает мне руку.

– Эйден Эствуд.

– Роми Риддок.

– Так ты та самая...

Он не успевает договорить – Ноа пихает его локтем в живот, и тот только фыркает, морщась.

– ...наш временный бренд-менеджер, – заканчивает за него Ноа, и я закатываю глаза.

– Наслышан о вашем сегодняшнем мероприятии, – тепло улыбается Эйден, слегка наклоняя голову. – Пара гостей забрели к нам в бар и рассыпались в комплиментах.

– Спасибо, – выдавливаю натянутую улыбку, стараясь не морщиться, – было приятно хоть на день вылезти из офиса и подышать свежим воздухом.

– Ты не катаешься? – спрашивает он, совершенно невинно.

но, но вопрос бьет точно в солнечное сплетение.

Я стараюсь не выдать, как мне неприятно. Не потому, что он спросил – Эйден здесь ни при чем – а потому что то, что я могу делать, катанием уже не назовешь. Это жалкая имитация движения, попытка быть прежней. Я чувствую, как Ноа чуть дергает бровями, будто улавливает что-то невидимое между строк. Его взгляд становится пристальным, цепким, и я понимаю, что в его голове что-то складывается, как недостающий пазл.

– Давайте вы потом проведете свою светскую беседу, – сухо обрывает он, усаживаясь рядом и жестом приглашая Эйдена сесть напротив. – Лучше расскажи, когда ты вернулся. Я слышал о твоём отце и...

Дальше я не слушаю. Не хочу. Вроде как они друзья или, по крайней мере, деловые партнеры, но сейчас любая новая информация проходит мимо меня. Моя голова занята самобичеванием.

Не то чтобы я привыкла себя жалеть – профессиональные спортсмены так не делают. Мы же железные. Стальные нервы, каменные колени, вечно собранные в кулак эмоции. Но... кого я обманываю? Это все в прошлом. Сейчас я не спортсменка. Я могу позволить себе быть слабой. Могу сидеть у бара в сверкающем платье и думать о том, где свернула куда-то не туда.

Я заказываю еще три шота водки. И еще один. Пусть будет четыре – чтобы наверняка. После полуночи вечеринка

становится громче, ярче и какой-то почти сюрреалистичной. Музыка бьет по полу, свет мигает, люди вокруг танцуют так, будто завтра не существует. А я... я наконец расслабляюсь. Тело легкое, ноги уже не болят, корсет будто перестал сжимать грудь и ребра. Я смеюсь, кружусь, и шестую песню подряд танцую с красивой девушкой в похожем красном платье. Мы не знаем друг друга, но почему-то это неважно – мы обе просто счастливы быть живыми в этот момент.

Я трижды избегаю медленных танцев – потому что Дин, видимо, только закончил смену и бродит где-то поблизости. А после того как он отозвал свое приглашение на свидание, я не хочу видеть его лицо. Пусть тоже посмотрит, как весело мне без него.

Ноа весь вечер проводит с Эйденom – они о чем-то смеются или мне так кажется. Несколько раз я ловлю себя на том, что смотрю на них дольше, чем нужно. И каждый раз, когда к ним подходят девушки – красивые, уверенные, сверкающие – я ощущаю странное покалывание под кожей. Все они смеются, кокетничают, трогают его за рукав. Я бы тоже хотела быть такой. Такой легкой, уверенной, дерзкой. Чтобы подойти к Ноа и сказать: «Эй, ты мне нравишься. Можно твой номер?» Конечно, у меня уже есть его номер. И, черт возьми, почему я вообще думаю о Ноа? Мы ведь говорим в общем. О парнях. О любом другом угрюмом, красивом, невозможном парне.

Мне не нравятся эти мысли. Они липкие, неловкие, слиш-

ком честные. Поэтому я заказываю еще два шота водки. Выпиваю их подряд, чувствуя, как мир становится мягким, как снег под солнцем. Возвращаюсь в толпу – вернее, толпа возвращается ко мне. Людей так много, что я едва могу сделать шаг. Музыка бьет в грудь, свет переливается, и где-то глубоко внутри меня рождается безумная идея.

Я никогда не танцевала на баре!

– Руфус, милый, – наклоняюсь к бармену, обходя стойку и улыбаясь как можно обольстительнее, – будь другом, прикрой глаза.

– Зачем? – хмыкает он, глядя настороженно.

– За этим.

С помощью руки Руфуса я забираюсь на барную стойку – сначала почти неуверенно, потом с таким азартом, будто всю жизнь только этого и ждала. Каблуком скользит, я хватаюсь за его плечо, и он поднимает меня вверх так, словно я не человек, а пузырь шампанского – легкий, игривый и чуть опасный. В этот момент из динамиков звучит Belly Dancer от Акон, и зал буквально взрывается одобрительными криками. Музыка такая громкая, что я чувствую ее даже костями – ритм пробивает грудь, заставляя двигаться, и я делаю все, что говорит песня: нагибаюсь, касаюсь пола, поднимаюсь и двигаю телом, как восточная танцовщица. Воздух вокруг горячий, как от пульса толпы, и я смеюсь – громко, искренне, немного безумно. Платье сверкает при каждом движении, сползая чуть ниже бедра, но в этот момент мне все

равно. Я просто двигаюсь, чувствую, живу.

Каждый мой наклон словно в замедленной съемке: волосы выскальзывают из пучка, спадают на плечи, искрятся под светом софитов. Шампанское и водка в крови делают все вокруг мягче и теплее. Я знаю, что двигаюсь слишком откровенно и свободно, но зал подбадривает – свистит, аплодирует, кажется даже кто-то кричит мое имя (или, возможно, просто “Еще!”). И это как удар адреналина – я вдруг чувствую себя красивой, уверенной, даже сексуальной. Той версией себя, которую давно не видела – не бывшей спортсменкой, не бренд-менеджером, не «девушкой с прошлым», а просто молодой женщиной, которая танцует на барной стойке.

– Эй, леди, нагнитесь! – подпеваю я вместе с залом, держа микрофон, которого на самом деле нет, – я просто хочу посмотреть, как вы дотрагиваетесь до пола!

Толпа смеется, свистит, и я наклоняюсь ниже, чувствуя, как сердце бьется в ритме басов.

И тут я замечаю взгляд Эйдена. Он сидит все там же, прикрыв рот ладонью, будто старается не ляпнуть чего-то лишнего, но в его глазах столько теплоты, что мне становится чуть легче – он явно не осуждает. Просто наблюдает с тем самым "дружеским" выражением, в котором, если честно, слишком много интереса. Но рядом с ним – Ноа. Сидит спиной ко мне, что-то рассказывает Эйдену, активно жестикулируя, даже не подозревая, что у него за спиной творится

мини-шоу.

– Ты знаешь, что там происходит? – перекрикивает музыку Эйден, кивая в мою сторону.

– Какая-то девушка танцует на барной стойке, – отвечает Ноа сухо, не оборачиваясь.

– Да. Твоя.

Я как раз приседаю вниз, завершая последний куплет, когда Ноа резко оборачивается. Его взгляд – тяжелый, оценивающий, и прежде чем я успеваю снова выпрямиться, он подлетает к стойке, рывком хватая меня за руку и тянет вниз. Толпа встречает это хором возмущенных «фууу!» и свистом, но Ноа не реагирует. Лишь подхватывает меня как мешок сахара – на плечо, одним движением, как будто я пушинка.

– Верни меня обратно, Ноа! – упираюсь я, болтая ногами, – я еще не подвигала телом как восточная танцовщица!

– Твоя танцовщица на сегодня свое отработала, – бурчит он, пробираясь сквозь толпу.

Я пытаюсь вырваться, дергаюсь, но он держит крепко. Его горячие ладони впиваются в заднюю поверхность моих бедер, и я чувствую, как кровь приливает к лицу. Он чуть одергивает край моего платья, чтобы прикрыть зад, и от этого движения по коже проходит дрожь. В холле гостиницы нас встречает тишина и мягкий свет, но он, не сбавляя шага. Накидывает на меня какой-то плед – пахнущий свежестью и снегом, ведь на улице воздух холодный, и пар изо рта выры-

вается облачками. Но Ноа идет уверенно, как будто тащит меня не через курорт, а через поле боя.

– Я сама могу идти, Ноа! – возмущаюсь я, пытаюсь дернуться, но получается только сильнее врезаться носом в его спину.

– Пока ты можешь только добавлять мне проблем, Роми, – отвечает он спокойно, ставя меня на ноги уже в прихожей моего домика.

Я едва удерживаюсь на месте – пол качается, как палуба.

– Повторяю, – я делаю шаг ближе, чуть шатаюсь, но не сдаюсь, – это называется веселье. Тебе стоит как-нибудь попробовать.

Он хмыкает, а потом медленно подходит ближе, почти касаясь меня. Его тень падает на мое лицо, дыхание горячее, глаза темные, тяжелые, словно ночь за окном.

– Чтобы веселиться, нужно довериться другим и расслабиться, – его голос становится ниже, глуше, – а не все могут позволить себе такую роскошь, красotka.

Между нами всего несколько сантиметров, но воздух будто искрится. Я слышу собственное дыхание, чувствую, как сердце колотится так сильно, что боюсь – он услышит. Его взгляд скользит по моим губам, и я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание. На секунду кажется, что он вот-вот шагнет ближе. Что просто перестанет сдерживаться. Его зрачки расширяются, он нервно облизывает губы, и у меня все внутри переворачивается. Я уже чувствую, как он склоняет-

ся, как рука почти касается моего подбородка, и мир замирает.

Но вдруг он моргает, будто приходит в себя и отступает назад.

– Доброй ночи, Роми, – хмуро бросает он, не глядя в глаза.

Дверь за ним закрывается, оставляя меня одну – с дрожью в коленях, горячими щеками и ощущением, будто меня обокрали на что-то гораздо большее, чем поцелуй.

Вы можете считать меня мелочной, жалкой, отвратительной – но я чувствую себя оскорбленной. Эти мужчины... просто отвратительные! Бессердечные, безмозглые придурки, которые сначала все такие милые и пушистые, а потом оказывается, что это всегда был волк в овечьей шкуре. Я серьезно! За последний месяц вся эта мужская порода меня добила.

Сначала мой бывший – решивший упомянуть мое имя в своем чертовом интервью. Ну да, ничего удивительного – скандалить и использовать мое имя для собственного пиара он всегда умел лучше, чем быть приличным человеком. Потом одновременно появляются Ноа и Дин, и каждый сводит меня с ума по-своему. Дин ведет какую-то двусмысленную игру: сегодня утром на моем столе чудом появился мой любимый карамельный раф – в этом месте такого и близко нет – и я не знаю, то ли это его способ загладить вину за отмененное свидание, то ли он просто фанат появляться и исчезать. Ну а Ноа... этот мужчина – отдельная американская горка. Сначала он – горячий незнакомец, поймавший меня в моменте, когда я злюсь и ломаю его лыжи. Потом вдруг мы вынуждены работать вместе, из-за чего начинается открытая война пакостей, а потом он делает что-то почти милое и... отказывает мне в поцелуе?! Как так? Не то чтобы я прямо

требовала, но почему он засомневался? Все шло к этому, он должен был сделать шаг, но передумал?! Из-за чего? Я что, недостаточно хороша для него?! Черта с два!

Из всей этой смеси раздражения и унижения у меня варится план мести. Я понимаю, что не обязана нравиться всем, и не стремлюсь быть для кого-то идеалом, но как можно отвергать меня как девушку еще до того, как что-то произошло? Ладно, да – я мелочная. Довольны? Ну и плевать!

Ярываюсь в кабинет с очередным огромным мешком и разрываю его клапан. Сыплю содержимое на большую прозрачную клеенку, расстеленную прямо в центре кабинета. Это не мука и не сахар – это песок, теплый и скрипучий, такой, что кажется, будто ты на берегу моря, а не в офисе посреди зимней выюги. Я достаю второй мешок, третий, четвертый – и так до сорок пятого. Песок накапливается пологой дюной у стола, он хрустит под подошвой моих угг, оседает в складках обуви и оставляет темные следы на линиях ковра.

Параллельно я таскаю четырнадцатое ведро воды – да, именно четырнадцатое, потому что план требует объемов – и аккуратно заливаю воду в розовый мини-бассейн, который я надуваю прямо среди двух шезлонгов. Тайла с ресепшена, усмехнувшись, дает мне в пользование Bluetooth-колонку – без нее картинка была бы неполной. Я включаю ненавязчивые регги и шум прибора, и гул техники сменяется далеким пляжным саундтреком. Колонки дают ровный бас, и ветер от

кондиционера слегка шевелит листья пальм. Все это – издевка, потому что наша война пакостей предполагает контраст: он с его ледяной дисциплиной, а я – тропический хаос.

Наш общий кабинет теперь выглядит так, будто я нечаянно открыла портал в тропики и выплеснула его содержимое прямо сюда. Весь пол усыпан мягким золотистым песком, который приятно пружинит под ногами и слегка хрустит, когда я делаю шаг. По углам стоят две пальмы в горшках, и их широкие листья так шумят от малейшего движения воздуха, будто кто-то спрятался там и собирается выскочить с кокосом. На столе мерцает свеча с ароматом морского бриза, и ее запах смешивается с влажным воздухом от мини-бассейна, который я надувала с такой гордостью, что почти заслужила медаль за энтузиазм. Шезлонги расположены так, будто это лаунж-зона какого-то элитного курорта, а не рабочее пространство, и на этом же курорте красуется розовый мини-бассейн с пластиковыми уточками, которые лениво плавают кругами, как будто знают, что их присутствие – вишенка на торте моего плана мести. Ох, он будет в бешенстве. Он будет в таком бешенстве, что это даст мне энергию жить еще неделю.

А пока я усаживаюсь за свой рабочий стол, поднимаю крышку ноутбука и продолжаю работать. Мне нужен пиарщик, который сможет превратить наш хаотичный взлет популярности в стабильный успех. После того как голая задница Ноа собрала тридцать миллионов просмотров за прошед-

шие дни – наши соцсети взлетели, как ракета на кофеине, но толкового контента там все еще нет. И вот я уже готовлю письмо очередному кандидату, как вдруг...

– Какого...

Я поднимаю взгляд и вижу на пороге кабинета самого угрюмого, нахмуренного и, судя по выражению лица, глубоко страдающего мужчину во всей Северной Америке. Ноа стоит в дверях, будто случайно зашел не в офис, а в свой самый худший кошмар, приправленный песком, пальмами и ароматизированными свечами. Он моргает медленно, напряженно, словно проверяет: не спит ли он, и если спит – почему этот сон такой... соленый. Но даже полусонность не мешает ему злиться: я почти вижу, как злость в нем поднимается по сантиметру, как перегретая вода под крышкой чайника.

– Надеюсь, – хмыкаю я, не скрывая удовольствия, – ты не против? Не могла же я после твоей тирады оставить тебя без отдыха и релакса, верно?

Его лицо – произведение искусства: от замешательства до злости, от шока до попытки принять то, что происходит. Ноа хмурится так глубоко, будто пытается свести свои брови вместе. Костяшки на руке, сжимающей дверную ручку, белеют так, словно он сейчас вырвет эту дверь с корнем, но... он вдруг глубоко выдыхает: как будто признает поражение, как будто моя пальма – это его Ватерлоо. Я даже слышу легкий щелчок где-то внутри него, будто он отпускает внутренний тормоз и решает, что будет плыть по течению... хотя бы

минуту.

Норингтон делает шаг вперед. Не закрывая дверь, не комментируя, не угрожая увольнением всех пальм в окрестности. Он проходит по песку – и я наблюдаю, как песчинки цепляются к его ботинкам, как будто приветствуют нового отдыхающего. И затем, без малейшего предупреждения, он начинает раздеваться.

Ноа ставит ногу на пятку и скидывает ботинок, затем другой, и остается стоять в белоснежных носках на песке, как ребенок, сбежавший с урока физры на пляж. Я открываю рот, но не успеваю ничего сказать, потому что он уже снимает свой свитер и бросает его на пальму, будто это вешалка. Затем его рука тянется к ремню на джинсах и пряжка мелодично звякает.

– Какого черта ты делаешь? – выдыхаю я, и даже слышу собственное смущение в голосе.

– Хочу расслабиться, – спокойно отвечает он так, будто мы с ним в отпуске на Мальдивах. – Ты так постаралась ради меня, Роми. Я не могу оставить это без внимания.

И он действительно стягивает джинсы вниз, оставляя их где-то посреди песка и оставаясь в одних черных боксерах. Мое лицо вспыхивает, будто на меня направили прожектор. Я резко опускаю взгляд на ноутбук, как будто в нем внезапно появилась формула решения мирового голода, но глаза сами поднимаются вверх, предательски тянутся к его телу – как магнит.

Ноа стягивает футболку, открывая свой идеальный пресс, рельефные мышцы, уходящие под резинку боксеров, и тело, которое выглядит так, будто оно получило личное благословение всех фитнес-тренеров мира. И как будто это обычный вторник, он идет к шезлонгу, плюхается в него с ленивой грацией хищника, натягивает солнцезащитные очки, что я бросила рядом, зарывает ноги в песок и вытягивается. Одну руку кладет за голову, второй тянется к коктейлю, который я поставила «для антуража» и просто... отдыхает. Реально отдыхает. В разгар снежной бури за окном.

— Разве... тебе не нужно работать? — спрашиваю я, все еще не веря происходящему.

— Ты одна не справляешься? — отвечает он, даже не взглянув в мою сторону.

— Нет, я просто...

— Тогда я могу часок расслабиться и выдохнуть, верно? На улице отвратная погода, а все это... — он делает ленивый жест вокруг себя. — Думаю, мне действительно не хватало этого.

В его голосе нет ни капли сарказма или притворства. Он действительно выглядит так, будто получает удовольствие. Ноа окунает руку в надувной бассейн и плескает воду, как ребенок, которому дали ведро с лопаткой, чтобы тот построил на берегу замок из песка и воды. Поза у него расслабленная до вызова: голова на подушке, очки на носу, губы чуть приоткрыты. И чем дальше, тем сложнее мне держать себя в руках, потому что комбинация его спокойствия и мо-

его гнева создает эффект котла под давлением.

– Ну нет, – я поднимаюсь со своего места так резко, будто стул сам отодвинулся из уважения к моему гневу. – Не в мою смену. А ну-ка, поднимайся сейчас же!

Я обхожу стол, ставлю ноги в песок, который мягко пружинит под подошвами, и оказываюсь прямо напротив него. Почти довольная ухмылка на его лице раздражает сильнее, чем снежная буря за окном. Он лежит в шезлонге, как король хаоса, как будто я устроила курортный сюрприз исключительно ради его удовольствия.

– Давай же! – призываю я, поднимая подбородок. – Ты не должен...

– Наслаждаться? – хмыкает он.

– Вот именно! – я упираю кулаки в бока, чувствуя себя учительницей младших классов, пытающейся успокоить самого проблемного ученика. – Никакого наслаждения в этом кабинете не будет. Можешь начинать свою угрюмую истерию и...

– Зачем?

– Что? – моргаю я, сбитая с толку.

– Зачем мне начинать угрюмую истерию? – он пожимает плечами, медленно и лениво, – На улице апокалипсис, сегодня ничего не работает из-за погодных условий и работы нет. Я могу... отдохнуть.

Но это не то, что я планировала – совсем не то. Это не та реакция, которую я собиралась получить – скорее я ожи-

дала крика, матерного возмущения и его хмурых бровей, но он... просто лежит и наслаждается. И делает все это со спокойствием буддийского монаха, который пережил тысячу воплощений хаоса – и это меня, черт возьми, бесит.

– А если что-то пойдет не так? – бросаю ему вызов, наклоняясь чуть ближе, будто на ринге. – Что если все рухнет и... а если какой-нибудь ненормальный застрянет на подъемнике? – Я решаю ударить по самому больному – по его тревожности. – Или кого-то засыпет буря? Что если что-то пойдет не так, потому что ты тут... прохлаждаешься?

Его лицо меняется мгновенно – словно я нажала на скрытую кнопку «тревога». Улыбка исчезает, очки он сдвигает на лоб, и его взгляд становится резким, внимательным, опасно сосредоточенным. Он медленно поднимается с шезлонга, шаг за шагом, и каждый шаг подчеркивает жар его голого тела, который теперь странно ощутим в воздухе между нами. Ноа останавливается так близко, что я слышу его дыхание, ровное и глубокое, но с едва заметной ноткой раздражения.

– Странно, что ты сама не придерживаешься своих же советов, Роми, – тихо выдыхает он, наклоняясь ближе, так что моя кожа покрывается мурашками. – Не начинай войну, если не уверена, что победишь.

И вот теперь я понимаю к чему все это. Он делает это специально, намеренно. Ноа злится, но делает вид, что расслаблен, будто все это его не задело. Он стоит передо мной – горячий, сердитый, но сдержанный – и притворяется, что ему

абсолютно все равно, что я превратила наш кабинет в филиал пляжа. Норингтон-младший играет, манипулирует, хочет вывести меня из себя.

Ну что ж. Он хочет хаос? Он его получит.

Я расплываюсь в улыбке – медленно, по-настоящему хитро. И прежде чем он успевает отреагировать, я кладу руки ему на грудь – горячую, напряженную, ручную работу модельеров анатомии – и резко толкаю его назад.

Он взмахивает руками, теряет равновесие и его идеальная задница с шумом плюхается прямо в розовый надувной бассейн приземляется прямо в маленький розовый надувной бассейн. Вода взлетает фонтаном, разлетается во все стороны, сбивает уточек, которые начинают панически кружить. И Ноа сидит там – огромный, мощный и мокрый – и выглядит так, будто готов убить меня.

– Твою мать, красotka! – рывкает он, когда брызги стекают по его груди.

Но я уже хватаю свои вещи, накидываю куртку и вылетаю из кабинета – сердце колотится как при старте соревнований. Я уже знаю, как бить по-серьезному – не просто мелкие пакости из блесток и тропических пальм. У него есть то, чем он дорожит до безумия – его снегоход. Я вижу идеальную картинку мести в своей голове: как я воспользуюсь хаосом непогоды, как поддамся искушению слегка пожить его техникой, чтобы дать ему понять, что расслабить у него действительно больше не получится.

Это игра. И я собираюсь играть по-крупному.

Я прекрасно вижу, как Ноа мечется за стеклом, но делаю вид, что у меня просто внезапно прорезалась выборочная слепота. Он машет руками, тычет пальцем куда-то в сторону, потом показывает на меня, потом на снег, потом снова на меня – но я намеренно игнорирую каждое его нелепое движение. Панорамное окно кабинета превращается в гигантский экран немого кино, где главный герой – мокрый и раздраженный мужчина в одних боксерах, который очень хочет, чтобы я прекратила то, что явно собираюсь сделать. Он злобно долбит в стекло, так что даже сквозь пургу слышится глухой, сердитый стук, но он тонет в вое ветра, и мне отчаянно нравится, как это кажется сигналом одобрения моему дерзкому плану. Буря скрывает почти все, и его силуэт становится размытым, танцующим в снегу и ярости, но это даже лучше – меньше совести, больше злорадства.

Я натягиваю свою бежевую меховую шапку, поправляю ее так, чтобы она сидела ровно, как у человека, который точно знает, что делает (хотя сейчас это далеко не про меня). Потом дергаю край приталенной куртки вниз, будто это придаст мне больше уверенности и меньше... безумия. Подхожу к его снегоходу, который сверкает как трофей, и забираюсь на него, чувствуя себя одновременно шпионом и енотом, укравшим что-то блестящее. Завожу двигатель – он ры-

чит подо мной, как довольный зверь, которому нравится, что его угоняют. Аккуратно сдаю назад, пробираясь через сугробы, что сформировали импровизированную парковку, и снег хрустит под полозьями так громко, будто подбадривает меня.

Я тут же еду вдоль склона, и пурга мгновенно набрасывается на меня, как сердитая кошка, которой наступили на хвост. Снега навалило больше, чем я рассчитывала, и снегоход подпрыгивает на укрытых сугробами кочках, заставляя меня буквально цепляться за руль. Моя идея внезапно перестает казаться блестящей – скорее она выглядит как очередная глупость, совершенная на эмоциях и с нулем здравого смысла. Но именно в этот момент позади раздается знакомый рев второго двигателя. Я оборачиваюсь – быстро, испуганно – и вижу его. Полностью одетый, чертов Ноа Норингтон несется за мной, как снежный терминатор, с такой решимостью, что у меня внутри все сжимается. Я жму газ сильнее, потому что если он меня догонит, будет плохо... эмоционально, морально и, возможно, физически.

Мы петляем вдоль склона почти на перегонки. Я ухожу влево, он повторяет за мной. Я резко беру вправо, он будто читает мои мысли и держится рядом. Мы удаляемся все дальше от курорта, и фонари позади превращаются в тусклые точки, как звезды, которые вот-вот исчезнут в метели. Он что-то орет – я вижу, как его шлем дергается от напряженного крика, как руки размахивают, будто он пытается

объяснить мне что-то жизненно важное. Но ветер вырывает звук из воздуха, и пурга глотает каждое его слово, так что я не слышу ничего, кроме собственного ускоренного дыхания и рева двигателя.

Я уже хочу развернуться, сдаться, вернуться на курорт и спрятаться хотя бы за елочной инсталляцией, но в этот момент подо мной происходит предательство вселенского масштаба. Снегоход хрипит, вздрагивает всем корпусом и начинает глохнуть, словно ему надоела моя импровизированная драма. Он делает еще жалкий рывок вперед и окончательно умирает, останавливаясь посреди снежной пустоты.

– Какого черта, Роми?! – орет Ноа, срывая с себя шлем и выбираясь со своего снегохода, как разъяренный олимпийский бог метели.

Его волосы растрепаны, грудь тяжело вздымается, а глаза сверкают так, будто он готов снести весь склон только потому, что я решила организовать угон века.

Он едва касается земли, делает один уверенный шаг, и в следующий же миг снег под ним предательски проваливается, будто решил сегодня работать исключительно против Ноа. Он уходит в сугроб почти по плечи, размахивает руками, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь, и выглядит настолько шокированным, что мне на секунду даже хочется сфотографировать это для корпоративного чата. Снегоходы при этом стоят совершенно спокойно – они широкие, распределяют вес по большой площади, поэтому не тонут так

глубоко. А вот Ноа, весь собранный, плотный и злой, опирается только ногами на рыхлый снег, и поэтому проваливается в него, словно попадает в ловушку, подготовленную природой лично для него.

– Какого черта?! – переспрашиваю я, даже не пытаюсь слезть со снегохода. – Задай этот вопрос себе, Ноа! Ты просто бесишь меня до невозможности.

Он пытается выбраться, цепляясь одновременно за край моего снегохода и за свой, будто надеется, что чистая сила злости выдернет его из снега. Но снег мокрый и тяжелый, и каждый его рывок только глубже вжимает его вниз, и чем больше он борется, тем нелепее все это выглядит. Он тянется выше, но ноги будто застревают, а руки скользят по металлу, и каждый раз он выдыхает все громче, словно не верит, что такая ерунда может происходить с ним. А я чувствую, как злость во мне растет, раздувается, кипит, и мне уже сложно держать себя в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.